

МАША ЖОРАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

В КАПКАНЕ У ЗВЕРЯ

Маша Моран
В капкане у зверя

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Моран М.

В капкане у зверя / М. Моран — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Аня ничем не отличается от тысяч других женщин – одинокая, не очень счастливая и не очень удачливая. И все бы ничего, ведь так живут многие, но в один ужасный день ее жизнь начинает рушиться. Ей остается одно – бежать в место, которого даже нет на картах. Она думала, что найдет убежище, крепость. Но попала в капкан. Кто он? Зверь, который вгрызается в глотки врагов? Или человек, который имеет все, о чем другие и не мечтают? Сможет ли Аня вырваться из лап жестокого монстра или захочет остаться в его власти навсегда? Содержит нецензурную брань.

В оформлении обложки использована фотография автора Olga Kudryashova «Portrait of beautiful woman with fresh makeup and romantic hairstyle. Fashion» с

<https://www.shutterstock.com/>

Фотография <https://www.shutterstock.com/ru/image-photo/portrait-beautiful-woman-fresh-makeup-romantic-281147264> по лицензии ССО

Для обложки использована художественная работа Кристины Леола

– Анечка, ты пойми... Яков Петрович человек тонкий... Его раздражают посторонние люди... А ты такая шумная, неуклюжая. Ты ему мешаешь. Он согласился нас приютить. Но не представлял, какой невозможной соседкой ты окажешься!

Аня сидела перед матерью и гадала, как можно быть ТАКОЙ? Она начала догадываться, к чему та клонит, но все равно оказалась не готова.

– Вот если бы ты продала дом, у нас было бы свое жилье...

Аня вцепилась в старый кухонный стол с такой силой, что вогнала в палец занозу. Но даже не заметила этого:

– Квартиру мы уже продали.

– Да, но кто же знал, что Феденька окажется проходимцем?! Он выглядел таким интеллигентным мужчиной.

Мать мечтательно вздохнула. Аня потерла уставшие глаза:

– Ты должна была это понять, когда он просил денег и заставлял тебя продать квартиру.

– У нас была любовь! Это ты все меряешь деньгами!

Аня даже не хотела больше спорить. У нее не осталось сил. Одному Богу известно, что происходит в голове у матери. Вместо того, чтобы жить хоть и в маленькой, но уютной квартирке, она продала ее и отдала деньги какому-то мошеннику.

– Денег за бабкино наследство хватило бы на новую квартиру... – Мать потянулась к пачке сигарет. – Это нужно прежде всего тебе – жилье в Петербурге на дороге не валяется. А с дома в глуши, что с козла молока. Мы бы переехали и перестали бы обременять Якова Петровича.

Теперь все ясно. Наверняка, автором идеи и был Яков Петрович, интеллигент в четвертом поколении и очередной аферист. Аня встала из-за стола.

– Нет.

– Что значит «нет»? – С матери тут же слетела напускная расслабленность. – Я же о тебе забочусь, дура!

– Когда продавала нашу квартиру тоже заботилась обо мне?

– Ах ты дрянь неблагодарная! Я все для тебя делала. Все! Красотой и молодостью своей пожертвовала, чтобы тебя воспитать. Это все твоя бабка виновата... Она меня ненавидела... Марзаматичная идиотка! И ты такая же! Тебе она, значит, дом оставила... А мне? Мне?!

От визгов матери начала болеть голова. Аня сжала пальцами виски. Больно кольнула дурацкая заноза в пальце.

– А тебе она оставила квартиру, мама.

– Что?! – Мать уже не сдерживалась. Брызжа слюной, она размахивала руками. – Квартиру?! Ты тоже в ней жила, дрянь неблагодарная! А ну вон отсюда! Я всю жизнь на тебя потратила. Всю жизнь! А ты...

В Аню полетела тяжелая тарелка, и она едва успела отскочить в сторону. Выбежав из кухни, она метнулась в общую прихожую, где с недавних пор располагалась ее «спальня». Мать вылетела следом, продолжая орать оскорбления. Под руку ей попался журнал, которым она несколько раз умудрилась ударить Аню по лицу. Боль обожгла щеку и скулу. Кажется, острый глянec оставил несколько порезов на коже. Закрываясь руками, Аня пыталась вытащить чемодан. Она специально купила его, громоздкий и тяжелый, но с двумя рядами крошечных

замочков. Это хоть как-то могло обезопасить ее вещи от новоиспеченных соседей. С недавних пор они без зазрения совести ковырялись в ее одежде, забирая то, что понравится. Жить так больше невозможно.

– Куда ты собралась, дрянь, а? – Мать в очередной раз замахнулась и бросилась на Аню.

С трудом ей удалось перехватить руку и вырвать из цепких пальцев смятый журнал.

– Я уезжаю. Навсегда.

– Куда?! Куда?! Ах ты паскуда! Думаешь, она там тебе замок оставила?! Хрен ты получишь, поняла?! Поменяла мать на дом вонючий!

Мама себя уже не контролировала. Она кидалась на Аню, пыталась вцепиться ей в волосы и влепила пощечину. Острые ногти оставили несколько болезненных царапин.

– Одних крыс там найдешь, поняла? Вот встретишь такого же, как твой папаша... Он тобой как подстилкой попользуется и выбросит с ребенком, никому ненужную. Ко мне потом плакать не приходи! Твоя дочь с тобой так же поступит! Зря я тогда аборт не сделала. Дурой была, не знала, какую дрянь воспитаю...

Аня закинула на плечо рюкзак и изо всех сил вцепилась в ручку чемодана. Мать продолжала сыпать проклятьями, на радость высыпавшим в коридор соседям. Едва сдерживая слезы, Аня выбежала из вонючей обшарпанной коммуналки. Что делать дальше?..

Бабушка умерла почти год назад, оставив Ане десятки воспоминаний, от которых наворачивались слезы. С Анфисой Павловной, или просто Анфисой, они виделись редко. Бабушка работала врачом в деревне и в Питер приезжала не часто. Более того, она строго настроено запретила и Ане навещать ее, не давала своего адреса и крайне неохотно отвечала на телефонные звонки. Аня не могла понять, в чем причина подобной секретности. Мать утверждала, что Анфиса работает на каких-то серьезных людей, чуть ли не бандитов. Но ее в этом случае интересовали лишь деньги. Аня же просто хотела семью. Смерть единственного родного, по сути, человека подкосила ее. Наверное, именно после этого и начались неприятности. Встреча матери с аферистом, продажа квартиры и вот теперь...

Нет никого, у кого можно попросить помощи. Коллеги считают ее странной и замкнутой. Редкие подруги заняты детьми и мужьями. А она одна. Ни мужа, ни защитника.

С мужчинами покончено уже давно. Все началось с отца. По словам матери он был невероятным красавцем, от которого Аня унаследовала лишь цвет волос и форму носа. Он оставил их еще до Аниного рождения, назвав «своими ошибками».

А много лет назад она сама убедилась, насколько обманчива может быть внешность. Уж в этом-то мать оказалась права.

С Виктором они познакомилась случайно. Он был одним из самых популярных студентов. Она – тенью.

Они встречались в институтской столовой. Но, конечно, он не обращал на нее внимания. Он появлялся в компании ярких и уверенных сокурсников. А уходил, даже не посмотрев на нее. Ни одного взгляда! И так раз за разом. Аня устала быть блеклой невидимкой. Что в ней не так? Лежа дома, в холодной постели, она придумывала сотни способов заговорить, познакомиться. Обещала себе, что обязательно решится подойти. Но наступал новый день, а она все так же восхищенно смотрела на него, оставаясь в своем уголке.

Однажды Аня все же осмелилась... Даже придумала план: она будет идти, нечаянно заденет его плечом, извинится и... Возможно у них завяжется беседа.

В реальности все получилось иначе. Когда Аня шла мимо, ее кто-то толкнул. Кофе пролился на белоснежную рубашку того, с кем она так отчаянно пыталась познакомиться. Жуткое коричневое пятно было ее полным провалом. Неудачница. Девушки, стоящие рядом с ним, начали возмущаться и обвинять Аню, парни смотрели с брезгливостью, а он... Он улыбнулся.

На этом все и закончилось. Аня даже перестала ходить в столовую. Теперь она не пыталась попасться ему на глаза. Наоборот – хотела скрыться, спрятаться. Да он и не искал ее. Аня смирилась с мыслью, что он давно уже забыл о ней, пока однажды красивый мужской голос не окликнул ее на выходе из института. Аня обернулась. К ней спешил он. Виктор.

Она не знала, чем заслужила такое счастье. Каждый день Витя ждал ее после учебы, водил в необычные кафе и рестораны, дарил цветы и забавные игрушки. Две недели пролетели, как один день.

Вместе они провели чудесную ночь. Аня ходила сама не своя от счастья – ее первый мужчина был красивым, умным и добрым. Виктор тоже ходил довольным. Он все время улыбался и насвистывал что-то себе под нос. Все было прекрасно. Идеально. И все же дурное предчувствие не давало покоя. Аня не могла понять, в чем дело. Может, она просто боялась, что судьба заберет у нее столь опрометчиво подаренное счастье? Но она ведь тоже имеет право на любовь. Или нет?.. Конечно, нет. Все оказалось до смешного предсказуемо. Однажды она застучала Виктора в одном из кабинетов. Сразу с двумя девицами. Они посмеялись над ней. Едва ли не всей группой. Пospорили, сколько времени ему понадобится, чтобы «уломать скромницу на секс». Его слова до сих пор иногда звучат в ушах.

С тех пор Аня пообещала себе, что больше никогда не допустит подобного. Она влюбилась во внешность. В красивое лицо. И в этом была ее ошибка. Только поступки могут сказать о человеке хоть что-то. Да и они бывают обманчивы. Никому нельзя верить. Легче одной.

Аня и впрямь осталась одна. Тогда, после Виктора, ее поддержала бабушка. Мать лишь издевательски хмыкнула, сказав, что Аня – обычная дура. Анфиса же успокаивала и утешала. Аня много ночей проплакала у нее на плече. Тогда она твердо усвоила: никто, кроме бабушки ей не поможет. В ней Аня видела и подругу, и защитницу, и даже мать. А теперь ее не было... Она вновь осталась одна. На распутье. Некуда идти. Некому довериться. Неоткуда ждать помощи.

Громкая трель мобильного заставила Аню испуганно вздрогнуть. Она вытащила из кармана телефон и взглянула на экран. Звонила Надежда Ивановна – ее начальница. Стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно, она ответила:

– Да?

– Аня?! Немедленно в издательство! Это срочно!

Аня взглянула на чемодан, ручку которого сжимала изо всех сил. Словно он был якорем, способным удержать ее на поверхности, не дать затонуть и погибнуть.

– Я сейчас не могу...

– Что?! Как это не можешь?! Все ты можешь!

– Я.. правда не могу... – Аня едва слышно всхлипнула и поспешила зажать рот рукой.

На другом конце возникла секундная пауза.

– Ты что... с молодым человеком?

Аня с трудом подавила истеричный смех.

– Нет, Надежда Ивановна. Я одна.

– Тогда приехать ты не можешь только в одном случае: если находишься при смерти. Все. Ничего не желаю больше слышать. Если не хочешь лишиться работы, то через час будешь у меня.

Надежда Ивановна отключилась, оставив лишь звенящую тишину. Лишиться работы? Она уже лишилась бабушки. Матери. И жилья... Остаться еще и без работы? Можно сразу прыгать с моста и прекратить собственные мучения. Аня же была трусихой. Она ни за что не осмелится покончить со всеми проблемами раз и навсегда. А еще она была наивной идиоткой и мечтательницей. До сих пор верила, что и на ее долю у судьбы припасено что-то хорошее. Нужно только подождать... Еще немного.

– Анечка, сейчас на тебе все завязано. Лица хочет только твою обложку. А мы теперь не в том положении, чтобы отказывать ее капризам. У Браненко – двойня. Они с Ирочкой зашиваются. А Герман задумал «Тайны и любовь» перезапустить. Ты же понимаешь: кроме тебя некому с серией работать. Так что хватит слезы лить, детонька. В нашем деле так: чуть дашь слабинку, и на твоём месте уже десяток новых. На талант не посмотрят. Хотя я признаю, что такие, как ты, на дороге не валяются. Но никто не будет ждать, пока ты... соберешься с силами.

Надежда Ивановна взяла ее в оборот и битый час не выпускала из своего кабинета, втолковывая, как важно сейчас не опускать руки и работать, работать, работать. Словно действительно верила, что в работе спасение от всех неприятностей. Ане же хотелось уползти отсюда, забиться в самую глубокую нору, какую только сможет отыскать, и уснуть. Прижать колени к груди, закутаться в старое колючее одеяло и сделать вид, что ничего ужасного не случилось, что ее жизнь не жалкая и не убогая.

– Так что давай. Бери себя в руки и начинай трудиться! Работа – панацея от любой проблемы. Мигом забудешь обо всех неприятностях. А там что-то и хорошее случится.

Аня горько усмехнулась. В ее жизни очень редко происходило что-то хорошее. Да и затем обязательно следовала какая-нибудь неприятность. Наверняка и сейчас судьба уготовила ей очередную подлянку. В душе царил странное предчувствие: должно произойти что-то, что добьет ее окончательно. И никакая надежда на счастливое будущее ее уже не спасет.

– Я понимаю, на тебя многое сейчас навалилось. Но как известно: работа – лучшее лекарство. Тем более, ты же знаешь Ликочку – она теперь ни о ком не хочет слышать, кроме тебя. Слышала, что она сделала с эскизом Петрушевского? Порвала у него же на глазах. Я думала, беднягу кондрашка хватит. Нервный срыв ему гарантирован. Но жив, и слава Богу.

Надежда Ивановна остановилась и поджала губы, всем своим видом выражая недовольство поведением чувствительного сотрудника. Закутавшись в шаль, она предприняла новую попытку наступления:

– Ну что ты приуныла? – Надежда Ивановна сняла очки и принялась протирать линзы. Изящная цепочка загадочно сверкала и будто гипнотизировала. – Давай поступим так: ты поезжай в этот свой Крельск, разберись с бабушкиным наследством, обживись в доме и приступай к работе. А связываться с тобой будем по почте и скайпу. Ликочка оставила рукопись, чтобы ты прочитала и... прониклась атмосферой ее нового... – Опять многозначительная пауза. – Шедевра, так сказать.

Аня машинально кивнула. Ей некуда было идти – дома она лишилась. Денег почти не осталось. Потерять еще и работу? Только вот где взять силы?.. Кажется, даже дышать сложно. В горле постоянно стоит ком.

– Ну что? Мы договорились?

Аня снова кивнула, чувствуя себя сомнамбулой. Как во сне, она встала и направилась к двери.

– Аня! Ну а рукопись?!

Во взгляде Надежды Ивановны читалось недоумение. Наверное, она до сих пор гадала, как можно так сильно поддаваться эмоциям и переживаниям. Спрятав рукопись, Аня выдавила едва слышное «До свидания» и вышла из кабинета. Когда она уже закрывала дверь, Надежда Ивановна громко крикнула:

– Как доберешься, позвони!

Аня тяжело вздохнула:

– Обязательно.

Разбитая дорога опоясывала скалу. Мокрая потемневшая земля извивалась ядовитой змеей. Бугры и камни чем-то напоминали драконью шкуру. Если бы драконы существовали в реальности.

Аня устало прижалась лбом к стеклу, разглядывая то обрыв и буйную реку, то высокие стены сосен. Она даже предположить не могла, что в подобной глуши кто-то может жить. Совершенно дикие места.

А ведь до Крельска еще два часа езды. Что ее там ждет? Непроходимый лес и болота?

Автобус подпрыгивал на ухабах, проваливался в ямы, а иногда его и вовсе основательно потряхивало. На резких поворотах водитель-лихач и не думал сбавлять скорость. В такие моменты старушки, мирно посапывающие в полупустом салоне, начинали недовольно бухтеть и причитать. Очередной поворот разбудил дремавших бабулек, которые тут же принялись поносить водителя. Аня снова уткнулась в окно. От ее дыхания прозрачная поверхность начала запотевать. Машинально она принялась чертить на стекле бессмысленные узоры. Наверное, желание рисовать на окнах, заложено в человеке с рождения. Она улыбнулась своей мысли и неожиданно начала засыпать под тихое ворчание бабушек. Перед глазами уже мелькали сновидения, когда слух уловил обрывок фразы:

– ... Неужто не слыхала? В Крельске-то этом жутком опять дела странные творятся...

– Брось заливать, Семенна! Там уж почти никого и не осталось.

– Да я тебе точно говорю! Снова чертовщина какая-то приключилась. Притон у них там.

Как пить дать, притон!

Аня выпрямилась на неудобном сидении и прислушалась. Тот самый Крельск? Чертовщина? Притон? Его и на картах-то не найти. Маленькая деревенька, затерянная в глуши – тут даже дороги нормальной нет.

– Они там с проститутками развлекаются. – Шепотом, слышным на весь автобус, заявила названная «Семенной». – А потом их того... Прикапывают в том же лесу. Шалав-то кто будет искать? Никто не будет. Вот богатенькие и веселятся. Секта, вот ей Богу!

Ее соседка перекрестилась и смачно плюнула через плечо, а Аня вновь отвернулась к окну. Это всего лишь сплетни, ведь так? Две старушки, которым больше заняться нечем. А она, глупая, слушает вместо того, чтобы делать наброски. У нее полно работы, которая – «лучшее лекарство от всего» и единственный способ не сдохнуть с голода. А вдруг там действительно что-то происходит? Не зря ведь бабушка не хотела, чтобы Аня навещала ее в Крельске, не просто так адреса своего не давала.

Автобус остановился. Открылись двери. Кряхтя выбрались последние пассажиры – Семенна и ее безымянная подруга. На унылом указателе значилось «Птичий».

Аня осталась одна. Чем дальше они ехали, тем более дикой становилась местность. По обе стороны от дороги непроходимой стеной высились деревья, а впереди тонули в тумане островерхие горы. Ни одного указателя, ни одного домишки – не то что деревни. Пошел снег. Показалось, или в густых зарослях мелькнули олени рога? Впереди, на горных склонах примостились высокие ели. Они были странной формы – как будто изогнутые, макушки словно клонились к земле. Деревья стремительно покрывались снегом. Из-за тумана и парящих в воздухе снежинок казалось, что с неба свешивается белая простыня. Жутковатая пелена, разделяющая жизнь на две разных части. Ане стало не по себе. Не совершает ли она ошибку? Может, мать была права? Продали бы дом и купили квартиру. Это если бы хватило денег. Судя по тому, что рядом ни одного дома, а автобус поднимается все выше в гору, ничего, кроме развалюх здесь нет. Кто будет жить, фактически, в лесу? Аня поняла, что ни капли не удивится, если увидит убогую лачугу с протекающей крышей и висящей на одной петле дверью. Она была готова к тому, что придется спать едва ли не в сарае. Но даже это лучше того, во что начала превращаться ее жизнь.

Выбравшись из вязкой жижи, автобус снова подскочил на ухабе. Аня отвлеклась от безрадостных мыслей и полезла за телефоном. Почти пять часов прошло с того момента, как она поднялась по высоким ступенькам и заняла место у окна. Когда же, черт возьми, они приедут?!

Рискуя переломать шею и ноги, когда автобус в очередной раз чуть ли не взлетел над землей, Аня встала и направилась к водителю. Жизнерадостный старичок что-то напевал себе под нос.

– Скажите, а до Крельска еще далеко?

Забыв про дорогу, он повернулся и окинул Аню таким взглядом, которым смотрят на теряющих рассудок людей.

– За следующим поворотом высажу тебя. А дальше сама.

– В каком смысле "сама"?

Аня едва не упала, в последний момент успев схватиться за поручень. Впереди не было видно даже признаков человеческого присутствия.

– А вот так. Я на разворот там иду.

– Но мне сказали, автобус идет прямо до Крельска.

Водитель фыркнул в пышные усы:

– Не знаю, кто там тебе такое сказал. Мы до Крельска никогда не ходили. Там вроде как элитный поселок, все со своими тачками – кому надо, сам добирается.

Паника, которую она с трудом пыталась подавить, начала просыпаться и поднимать уродливую голову. В горле снова встал комок. Да сколько ж можно?!

– И далеко еще... самой добираться?

Водитель бросил на нее еще один взгляд. На этот раз жалостливый:

– Видать, здорово он тебя приложил, да?

Аня знала, куда он смотрит: на фиолетовый синяк с двумя порезами. Но от того, что это сделала мать, стало стыдно. И она промолчала.

Старик вздохнул:

– Деревня в горах – во-о-он там. – Он указал пальцем на высокую гору, но Аня, естественно, не смогла там ничего разглядеть. – Но я без понятия, как туда добраться. Да и тебе бы не советовал. Ты уж лучше пойдешь, заявление в ментовку напиши. Живее будешь. В этом Крельске, говорят, жуть всякая творится.

Аню прошиб озноб.

– Какая жуть?

Водитель замялся:

– Ну-у-у... Местные из «Птичьего» даже приближаться к горам боятся. Хотя между ними несколько часов езды. Конечно, в селе люди суеверные. Это вы, городские, ни во что не верите. Но я тут чего только не понаслушался.

Он резко крутанул руль. Автобус обогнул выступающий пятачок леса и выскочил на перекресток. Раскисшая от снега дорога разветвлялась на два рукава. Один уходил влево, теряясь в густой чащобе, среди поваленных деревьев и покрытых ледяной пленкой луж. Другой – огибал хлипкий указатель без надписи и поворачивал обратно.

– Приехали! – Водитель резко затормозил и открыл дверь. – Может, все-таки обратно?

Аня с ужасом осмотрелась. Вокруг – лес, горы, грязь и больше ничего.

– Уж лучше с таким... – Водитель кивнул на ее синяк. – Ты на рожон не лезь. Помашет кулаками и успокоится. А там, – Кивок в сторону гор, – неизвестно что. Кто знает, что у богачей на уме.

Аня невесело усмехнулась. А если бы ее действительно избил муж или парень? Пора смириться с тем, что помощи ждать неоткуда. Аня вернулась к своему месту, забрала рюкзак и чемодан и пошла на выход. Уже у двери она остановилась и спросила, заранее предчувствуя ответ:

– В какой стороне Крельск?

Водитель посмотрел на нее, как на умалишенную и ткнул пальцем в сторону леса.

– Туда.

Аня сильнее сжала ручку чемодана:

– Может... Вы бы... Смогли довести меня? Я заплачу.

– Там дороги нормальной нет. Да и расписание у меня. Работы лишаться никто не хочет. –

Водитель моментально утратил благодушность и желание делиться советами.

Видимо, богачей из поселка он боялся больше потери работы. Аня кивнула и с трудом подняла чемодан.

– Спасибо...

Ноги утонули в вязкой жиже. Ботинки не защищали от холода. Автобус повернул вправо, вильнул на ухабе и скрылся за поворотом. Вокруг стояла почти волшебная тишина. Снежинки опускались на листья, едва слышно шурша. Коротко булькнув с хвоянок падали в лужи холодные капли. От запахов леса, – сырой земли и гниющих листьев, кружилась голова.

Ни одной живой души и даже признаков жилища. Таща чемодан, Аня подошла к кривому деревянному указателю. На нем был вырезан месяц, и больше ничего. Что это означало? Аня провела пальцем по холодной дощечке, надавливая на глубокие борозды.

И как ей поступить? Возвращаться домой? Но у нее теперь его нет. Куда она пойдет? Ночевать на работе? Подруг тоже не особо много. Да и сколько она у них проживет? Глаза защищало от слез. Нет, она не будет плакать.

Аня осмотрелась еще раз, пытаясь хоть немного отвлечься. Но стало только хуже, когда она поняла, куда попала. Жалкая тропа терялась в тайге. И как попасть на гору, где прятался неведомый Крельск, она не представляла. Твою мать! Почему ей так не везет?! Жуткое отчаяние заполнило легкие. Она либо умрет от холода, либо ее разорвет на части какой-нибудь зверь. Снег усилился.

Натянув на рот шарф, Аня поправила лямки рюкзака, удобнее перехватила ручку чемодана и медленно побрела в сторону леса. Как будто у нее есть выход.

Как-то же бабушка добиралась сюда. Вот и у Ани получится. Если выживет.

Громкий гудок автомобиля заставил подпрыгнуть. Аня обернулась и едва успела отскочить в сторону – на бешеной скорости на нее неслась серебристая иномарка. Аня упала в грязь, обдирая лицо и руки о колючие ветки кустов. Слезы боли и унижения все-таки выступили на глазах. Не плакать! Что угодно, только не плакать! Нужно выбраться. Встать с холодной земли, выползти из коричневой жижи и идти дальше. Острые голые сучки больно царапали кожу. С головы слетела шапка. Ладони оказались стесаны и саднили. Господи... Да когда же это закончится? Неужели ей еще не хватит мучений?! Аня огляделась в поисках шапки. Снег уже успел намочить спутавшиеся волосы, и холод тут же пробрался под неудобную куртку. Вишневым комком шапка колыхалась в луже. Неловко повернувшись, Аня потянулась и вскрикнула от боли – куст вцепился в пряди. Она пыталась высвободиться из плена изогнутых прутьев и даже не обратила внимание на визг тормозов и звук открываемой двери.

– Боже... Вы живы? С вами все в порядке? Где вы?

Ане удалось выбраться обратно на дорогу. И тут же на нее налетел ураган. Женщина с золотистыми локонами и огромным животом. Черт! Она угодила под колеса беременной.

– А, вот вы где! С вами все хорошо? – Незнакомка принялась ощупывать Аню и трясти из стороны в сторону, как куклу. – О-о-о, – Ее взгляд скользнул по Аниному лицу. – Боже мой, простите... Мне так стыдно... Я езжу очень аккуратно, правда. Но здесь никогда никого не бывает...

Она снова встряхнула Аню и потянулась к ее голове. Аня испуганно отшатнулась, но незнакомка вытащила из ее волос несколько хвоянок и тяжело вздохнула. В голове царил сумбур, все перепуталось.

– С ребенком все нормально? – Аня указала на выпирающий живот.

– А? – Девица удивленно округлила глаза, но сообразив, о чем ее спрашивают, беспечно махнула рукой. – Конечно! Кстати, я – Света. – Она закусила губу и попыталась оттереть рукав Аниной куртки, но лишь сильнее размазала грязь.

– Аня.

– Я... Хм... Я буду очень благодарна, если ты... – Света вдруг начала вертеть головой по сторонам, словно кого-то или что-то высматривала. – Короче! Сколько ты хочешь, чтобы мы забыли об этом инциденте? – И она снова огляделась.

В ярких голубых глазах сверкнуло что-то опасное. Аня поежилась: уж не решает ли Света, как избавиться от ее трупa? Почему-то ей казалось, что такая как она вполне может убить. От подобных мыслей озноб пробрал до самых костей, заставляя Аню стучать зубами. Света поняла Анину дрожь по-своему. Ее лицо вновь стало взволнованным и сочувствующим:

– Прости! Тебе, наверное, нужно показаться врачу... Я все оплачу! Лечение, реабилитацию, только...

Аня и сама не знала, что ее заставило открыть рот и быстро протараторить:

– Не нужно денег. Просто подвези меня... кое-куда.

Света прищурилась, от чего стала немного похожа на птицу:

– А куда тебе надо?

– В Крельск. Он должен быть где-то рядом.

Света удивленно вздернула брови:

– Да, он рядом, но...

Аня не поверила своим ушам. Рядом? И Света скорее всего знает, как туда добраться. Неужели ей наконец повезет? И даже странная пауза не смущала.

– Подвези меня, пожалуйста!

Аня чувствовала: ее силы на исходе. Еще немного, и она сорвется. Только сейчас она начала осознавать, во что вляпалась. Оказалась одна посреди леса, почти без денег. И без малейшего представления, как добраться до чертовой деревни! Наверное, на ее лице что-то мелькнуло, потому что Света стремительно отвернулась и махнула рукой, призывая следовать за собой.

– Я подвезу, конечно. Ты точно... Заявление писать не будешь? А то мне муж голову открутит.

Аня плохо разбиралась в людях. Судя по матери и Виктору – совершенно не разбиралась. Но странный тон, которым Света упомянула мужа, подсказывал, что дело, скорее всего, не в нем. Пока она не передумала, Аня поспешила ее убедить:

– Не буду. Только помоги добраться.

Выудив из грязи чемодан и кое-как отряхнув рюкзак, она поспешила за Светланой. Та открыла багажник и ткнула пальцем в пустое нутро.

– Чемодан давай сюда. Сама справишься?

– Да. Только он теперь грязный...

– Ну и что? Автомойка все вычистит. Садись давай.

Аня быстро закинула полупустой чемодан и обошла машину. Из распахнутой двери доносилась едва слышная музыка. Аня застыла на месте, почти с ужасом глядя на кожаный салон. Света уже заняла водительское место и нетерпеливо постукивала пальцами по рулю:

– Ты чего? Садись давай!

– Я испачкалась. – Аня отряхнула куртку. Но лишь размазала по ней выступившую на ладонях сукровицу. Кожа начала гореть.

– Слушай, ну сколько можно?! Залазь и поедем уже.

Решившись, Аня осторожно опустилась на сидение, утонув в запахах дорого салона и духов. Едва она захлопнула дверь, Света тут же надавила на педаль газа, и машина сорвалась

с места. Автомобиль то вяз в грязи, то подпрыгивал на кочках, но Светлана и не думала сбавлять скорость. Она вела уверенно и даже агрессивно. За окном мелькал густой темный бор. Опускающийся на хвою снег превращал лес в место обитания сказочных колдуний. Искоренные стволы, кривые, торчащие из земли ветки, облезлые кустарники. Тут и там на земле виднелись ярко-желтые пятна – дожившие до весны листья редких дубов. Аня ожидала увидеть пряничный домик ведьмы и двух заплутавших детишек. А вон из-за того дерева обязательно должен был выскочить жуткий волк, обманувший глупую девчонку. Огромный замшелый валун – наверняка окаменевший от солнечного света тролль. Опустятся на лес сумерки, и людоеды-гиганты оживут, чтобы вновь творить жуткие дела.

– Знаешь... Посторонним попасть в Крельск можно только по приглашению. Там круглосуточная охрана. Ты уверена, что едешь именно туда? Кто тебя ждет? – Голос Светы вырвал из грез.

Аня даже немного огорчилась, когда поняла, что все нафантазировала. Не было ни жуткой колдуньи в сладкой избушке, ни опасного хищника, ни большеносого каменного тролля. Она еще не видела мест, подобных этому. Казалось, что в таком лесу возможно все. Миллионы сюжетов, которые она прочитала, обретали реальные очертания. Аня повернулась к Свете, пытаясь вспомнить, о чем та спрашивала. Попасть в деревню по приглашению? А виза не нужна?!

– Да, я уверена.

Света поджала губы и вывернула руль:

– Ты точно что-то напутала. Или ты от... Глеба? – В голосе Светланы отчетливо прозвучал страх.

Аня уже всерьез начала волноваться. Может, мама была права, и Анфиса не просто жила практически отшельницей?

Решившись, она призналась:

– У меня в Крельске дом.

– Ты, наверное, что-то путаешь. Или обманываешь меня? – Света забыла про дорогу и развернулась к Ане. – Я знаю всех, у кого в Крельске есть дома. – Она выразительно нахмурила брови.

– Он принадлежал моей бабушке. Она умерла. И дом остался мне.

– Постой... Бабушке? Так ты... Внучка Анфисы Павловны?

– Да.

– Вот черт! – Света крутанула руль, и машина вильнула.

Аня вцепилась в ремень безопасности:

– Все нормально?

– Нет! В смысле, да...

Лес поредел, превратившись в красивый, запорошенный снегом парк. Впереди показался широкий каменный мост с темным тоннелем. Когда они подъехали ближе, Аня смогла разглядеть грубый барельеф – полумесяц. Точно такой же, как на указателе. Слева был изображен человеческий череп.

Под лунным серпом лентой вилась надпись. Аня прищурилась, пытаясь разобрать буквы. Но грубая резьба покрылась плесенью, и была едва видна. И Света, словно на зло, еще больше увеличила скорость. Автомобиль влетел в темный тоннель, взметнув в воздух ворох сыроватых листьев. Мост выглядел очень старым. Аня и не подозревала, что здесь найдется древняя постройка. Может потом удастся вернуться и рассмотреть его внимательнее? Аню с детства манили древности, пропитанные историей вещи. Все они хранили в себе тайну. И ей казалось, что она может коснуться чего-то волшебного, разгадать секрет. Наверное именно поэтому она стала искусствоведом. Глупая и бессмысленная профессия, как всегда считала мать. Но Ане она помогала вырваться из реальности. Потом и этого стало мало. Она хорошо рисовала и

решила выучиться на дизайнера книг. И теперь сбегала от реальности именно так – рисуя обложки и оформляя страницы. Создавая то, что не суждено встретить в обычной жизни. Создавая миры. Для других. И для себя.

Они давно выехали из тоннеля. Мост остался лишь воспоминанием. Аня обернулась, чтобы еще раз взглянуть на его массивные очертания.

– Понравился?

Света вырулила на трассу. Дорога была идеально ровной, на темном от снега асфальте ярко выделялась желтая разметка.

– Да. Очень красивый. Сколько ему лет?

Аня посмотрела в окно. Предчувствие чего-то плохого грызло душу. Разбитая общественная дорога и гладкий асфальт в глуши, затерянный в горах мост... Для автобуса нормальную трассу проложить не могут – приходится ломиться через лес. А тут – покрытие, которому даже город позавидует.

Аня не считала, что у нее развита интуиция. Но сейчас внутренний голос вопил, что она поступает неправильно. Неожиданно почти животный ужас прошел дрожью по всему телу. Света бросила на нее странный взгляд и быстро отвернулась, сосредоточившись на дороге:

– Точно не знаю... Где-то читала, что около пятисот, или вроде того...

Пять столетий?! Столько времени, и никаких исследований, раскопок... Местные, наверняка пекутся о том, чтобы их покой никто не тревожил. А может, кроме моста, здесь и нет больше ничего интересного. Света снова решила нарушить затянувшуюся паузу:

– Значит, ты – внучка Анфисы Павловны?

– Да.

– Тоже врач?

– Нет. – Аня не стала вдаваться в подробности своей жизни. Какая разница этим людям, кто она и чем занимается, пусть даже они и знали бабушку. Ее жизнь их не касается.

Видимо, Света поняла намек, потому что какое-то время не мучила Аню расспросами. Но спустя пару минут заговорила вновь:

– А почему решила приехать? Думаешь продать дом?

Аня удивленно разглядывала красивый парк, мимо которого они ехали. Высокие фонари, несколько лавочек, даже пруд! Или озеро?

Она не сразу поняла, что Света ждет ответа. О чем она спрашивала? Ах да, продажа дома! И эта туда же...

– Хочу посмотреть на него.

Света не желала довольствоваться туманным ответом:

– Если нужно продать, только скажи! Наши с руками оторвут за любую цену.

От удивления Аня даже забыла про парк.

– Есть за что платить?

Света пожала плечами и переключила скорость, посылая машину практически в полет:

– Я тебя понимаю: по сравнению с другими домами он крошечный. Но добротный. И близко к воротам.

Аня уже слышала подобный тон. Так с ней разговаривала мать, когда ей что-то было нужно. Так ее уговаривала Надежда Ивановна взяться за работу, от которой все отказались. И точно так говорили те, кто хотел с нее что-то поиметь. А она, дура, не находила в себе решимости отказать.

Наверное, Света приняла Анино молчание за размышления, потому что начала тараторить с новой энергией:

– Я даже могу помочь с продажей – расспросить, кто готов раскошелиться. На выгодных для тебя условиях.

Аня не выдержала. Она не хотела раскрывать свои планы малознакомой девице, но и терпеть ее трескотню больше не могла. Стремление избавиться от нее более чем раздражало. В словах Светы явно слышалось, что Аня будет нежеланной соседкой.

– А почему я должна его продать?

Вопрос Свету не смутил. Наоборот, вызвал прилив энтузиазма. Будто она ждала, когда ее спросят о чем-то подобном:

– Ну, ты молодая, симпатичная. Зачем тебе дом в глуши?! Вряд ли ты хочешь похоронить себя в деревне. Продашь, получишь деньги. Заживешь в свое удовольствие.

– Я подумаю.

Аня вновь отвернулась к окну, решив, что проще подыграть Свете – так она скорее отстанет и оставит ее в покое. Но все мысли вылетели из головы, когда они подъехали к высоким кованым воротам.

Огромные, черные, они, кажется, парили над землей и улетали высоко в небо. Почти ювелирная ковка, в которой легко угадывались переплетения ветвей и листьев. Сверху застыли уже знакомые месяцы: с одной стороны растущий, с другой – убывающий. На квадратной каменной колонне висел пульт управления с маленьким глазком камеры. Света выудила из бардачка темно-синюю пластиковую карточку, вставила в прорезь и нетерпеливо забарабанила пальцами по рулю. Спустя пару секунд у ворот появились два огромных охранника. Они были с ног до головы закутаны в черный камуфляж, за спинами болтались короткие автоматы. В горле моментально пересохло. Куда она приехала?! Какое место могут охранять настолько тщательно?

– Светлана Юрьевна, добрый вечер. – Один их охранников нажал несколько кнопок на пульте с другой стороны, и ворота начали медленно разъезжаться в стороны. – Кто с вами? – Спросил так, будто Аня не сидела рядом и не слышала каждое слово. Будто ее и не было здесь вовсе!

– Это Анна... Анна. – Света раздраженно взъерошила блестящие локоны.

– С какой целью прибыли? Паспорт есть?

Хотя голос охранника и был ровным, в нем все равно слышалось превосходство. Словно Аня какая-то не такая. Это раздражало. Злило. Лишало сил...

За нее вновь ответила Света:

– Приехала осмотреть наследство. Она внучка Анфисы Павловны. – И развернувшись к Ане, гневно сверкнула глазами. – Паспорт взяла с собой?

Аня полезла в рюкзак. В душе все больше крепла уверенность, что лучше развернуться и бежать отсюда. Пока не поздно. Дрожащей рукой она все же подала охраннику свой паспорт. Он несколько секунд внимательно его изучал, изредка бросая в ее сторону равнодушные взгляды, а затем спросил:

– Документы на дом?

– Что?

– Документы на наследство покажите. – Он ухмыльнулся, заставляя Аню чувствовать себя дурой.

– А может вам еще что-нибудь показать?

То ли охранник, то ли юрист окинул ее придирчивым взглядом и хмыкнул:

– Свидетельства будет достаточно.

Аня почувствовала, как к щекам приливает жар. Одними глазами он умудрился оскорбить ее и унижить, намекнув, что как женщина внимания она не заслуживает. Хорошее начало ее новой жизни.

– Взяла или забыла? – Свете, похоже, надоело ждать.

Аня покраснела еще больше и вновь нырнула в рюкзак. Вытащив тонкую папку со всеми документами, она нашла свидетельство и показала охраннику. Тот попытался забрать его из

рук, но Аня крепко вцепилась в бумагу. Снова издав хмыканье, он пробежал глазами по ровным строчкам.

– Ну что ж... Вроде бы все верно. Добро пожаловать в Крельск... Анна Вячеславовна.

Глаза великана недобро сверкнули. Он отошел в сторону, пропуская автомобиль, и повернулся к Свете:

– Мне сообщить Давиду Александровичу?

Света недовольно передернула плечами:

– Естественно.

Охранник кивнул и отошел к напарнику, все это время молчаливо стоявшему возле пульты. Автомобиль миновал ворота и рванул вперед.

– Кто такой этот Давид Александрович? И зачем ему обо мне сообщать? – Кипя от злости, Аня пыталась впихнуть папку обратно в рюкзак.

– Ну... – Наверное впервые за весь путь Света не спешила вступать в разговор. – Он, как... – Она опять замялась. – Главный тут. Следит за порядком...

– Начальник колхоза? – Аня поняла, что начинает ненавидеть Крельск и всех его жителей.

Света бросила на нее невидящий взгляд и задумчиво проговорила:

– Что-то вроде того...

Вряд ли она оценила Анино чувство юмора. Вид у нее вдруг стал отсутствующий.

Колеса тихо шуршали по асфальту, усыпляя. Слева вновь показалась вода. Над самой кромкой был сооружен деревянный настил с высокой перекладиной. А впереди, среди деревьев, мелькала высокая беседка. На воде плавно покачивались утки. Справа же земля уходила вверх. Живописный склон порос высокими деревьями. Их кора потемнела от сырости, корни покрылись мхом, а по стволам карабкался цепкий плющ. Аня вдруг поняла, что ей нравится это место. Она хотела пройтись по мостку, постоять над водой, облокотившись о перекладину, побродить среди деревьев. Прикоснуться ладонью к влажному мху... Ощутить его мягкость и влажность. Словно из ниоткуда среди деревьев мелькнул высокий каменный забор.

– Приехали. – Света кивнула в сторону забора.

Спустя пару секунд показался дом. Аня замерла. Дыхание застряло в горле. А сердце как сумасшедшее забилося быстро-быстро, выстукивая дробь о ребра. Быть может, проезжая под мостом, она перенеслась в прошлое? Или в параллельную реальность. Или в сказку. Забор, увитый сероватыми стеблями, опоясывал высокий каменный дом. Аня пару раз моргнула, не веря глазам – слева к нему прилепилась низкая круглая башенка. Словно издалека послышался Светин голос:

– Это амбулаторный склад. Ну, знаешь... Таблетки, бинты... Всякая врачебная ерунда. – Она равнодушно дернула плечом. – С другой стороны сама амбулатория. Выйдешь через заднюю дверь и попадешь во внутренний двор, а оттуда – в больницу. Разберешься. Конечно дом небольшой... Да и не очень красивый. Но нищей не останешься.

Аня собиралась ответить, что это ее дело – оставлять дом или нет, но прикусила язык. Она ни за что не продаст бабушкино наследство. Тем более, такое. Теперь Аня точно решила. Она ожидала увидеть хлипкую лачугу, непригодную для жизни. И даже тогда не решилась бы продавать. Оставила бы в память о единственном родном и любящем человеке.

А теперь оказалось, что судьба решила сделать ей подарок. Или здесь тоже был какой-то подвох? Может, ключи не подойдут, а внутри окажутся только гнилые доски и пауки? Аня вышла из машины и остановилась перед каменным забором. Она боялась. До ужаса. Ей казалось, что дом сейчас исчезнет. Просто растворится в воздухе. Переваливаясь с ноги на ногу, к ней подошла Света и встала рядом.

– Осматривайся. А я завтра зайду. Подумаем, кому лучше продать.

Аня подошла к багажнику и вытащила грязный чемодан.

- Спасибо, что подвезла. Приятно было познакомиться.
- Взаимно.

Света села за руль и умчалась вперед по дороге. Аня осталась одна. Грязная и замерзшая, она стояла перед калиткой и не решалась войти. Отыскав в рюкзаке связку ключей, несмело шагнула к деревянной калитке. Дверца была обита железом и напоминала ворота в древних замках. На ней тоже кто-то вырезал уже знакомый полумесяц. Под ним чернела чуть кривоватая надпись. Совсем как на мосту. Аня едва ли ни носом уткнулась в крошечные буквы. Но прочитать что-то было почти невозможно. Округлые буквы, похожие на те, что встречались в переписанных от руки книгах. Пыль и грязь, наверное, десятилетиями забивала тонкие бороздки, дерево потемнело от дождей и времени. Аня отковырнула слой плесени и потеряла шершавое дерево. «...*Помощь обряцете...*». Буквы складывались в странную тарабарщину, но Аня пообещала себе, что обязательно переведет таинственное послание. Сделав глубокий вдох, она вставила ключ в замочную скважину. На секунду сердце замерло. Сейчас она попытается повернуть ключ, и ничего не получится. Пальцы сомкнулись вокруг ржавого основания. Поворот. Щелчок. Тихонько скрипнули ржавые петли, и калитка приоткрылась. Толкнув ее вперед, Аня сделала первый шаг. Как будто начала жизнь заново. Все оказалось легко. Никаких подвохов. Ключ подошел, и Аня осторожно шагнула на каменистую дорожку. Кажется, воздух здесь был иным. Она не знала, куда смотреть в первую очередь. Хотелось увидеть все сразу. Нет, не продаст она подобную красоту. Даже если внутри ее ждут голые стены, а спать придется на полу. Аня медленно шла по тропинке, рассматривая заросший газон, манящие тайной окна, основательную кладку дома. Похолодало еще больше, стремительно надвигались сумерки, но она не спешила войти внутрь – боялась спугнуть свою новую жизнь. И одновременно с этим желала насладиться каждой секундой, каждым мгновением «знакомства» с домом. Он теперь должен стать ее цитаделью, крепостью ото всех бед и невзгод.

Аня остановилась перед простой деревянной дверью. Она была выкрашена в веселый салатный цвет. В нескольких местах краска облупилась, но странного очарования дверь не утратила. Она выделялась на фоне суровых каменных стен, кое-где покрытых мхом. Как будто вела из реального мира в другой – вымышленный, сказочный. В котором, Аня верила, ее ждет что-то волшебное и прекрасное. Наконец решившись, она нашла нужный ключ и вставила в замок, украшенный металлическим орнаментом. Со стоном протеста механизм поддался. Аня потянула просевшую дверь и вошла. Внутри было темно и душно. Пахло пылью, сухим деревом и чем-то сладковато-горьким. В царящем сумраке мерцали смутные тени. Очертания массивного комода и шкафа, провалы распахнутых дверей... Даже в сгущающейся темноте были видны голые стены – обычная побелка и больше ничего. Аня тут же представила, как раскрашивает их. Как вычерчивает фантастические узоры, создавая свою собственную сказку. Она подошла к стене, прижалась щекой к прохладной поверхности и вдохнула чуть сыроватый запах штукатурки. Бабушка оставила ей не просто жилье – она подарила шанс начать новую жизнь. И Аня верила, что в ее силах сделать эту жизнь яркой. Пусть не сразу, но у нее должно получиться.

Она не стала искать щиток с пробками, вентиль подачи воды или хотя бы свечной огарок. Не хватило сил даже на то, чтобы обойти дом полностью. Устроившись в старом скрипучем кресле, она вытащила телефон и нашла нужный номер. На другом конце ответили после первого же гудка.

- Да?
- Надежда Ивановна, я приехала.

Несколько секунд начальница хранила молчание, а затем бойко распорядилась:

– Вот и чудесно! Отдыхай, обживайся, знакомься с рукописью. Через две недели жду эскизы.

– Хорошо. – Аня откинула голову на спинку и уставилась в балочный потолок. С него свешивались странные полоски ткани, жиденькие пучки трав и нечто похожее на металлические подвески.

– Что, даже не будешь спорить? Обычно, ты кричишь, что двух недель мало.

Аня протянула руку и тронула пальцем холодный медальон. Поблескивая в лунном свете, он начал медленно раскачиваться.

– Я никогда не кричала, Надежда Ивановна.

– Ну ладно-ладно. Две недели. Поняла?

– Поняла. – Аня следила за чарующим танцем украшения. Необычно и красиво. Бабушка, оказывается, была той еще выдумщицей.

– Ну... – Надежда Ивановна замялась. Наверное, решала, как лучше всего закончить разговор.

Аня решила ей подсказать:

– Спокойной ночи? – Помимо воли ей захотелось улыбнуться.

– Да, спокойной! – Обрадованная завершением беседы начальница моментально воспряла духом. – Ах да, и не забудь сказать... Фразу эту... Ну, про жениха. Как же там? Вспомнила! «Ложусь на новом месте – приснись жених невесте!»

Аня не удержалась и хихикнула:

– Хорошо.

– Ты скажи-скажи. Обязательно скажи! Я так своего увидела однажды. Тридцать лет вон все никак в толк взять не могу – хороший сон был, или кошмар снился! – Тон Надежды Ивановны смягчился, став почти добрым и заботливым.

– Скажу. – Аня еще раз прикоснулась к подвеске. – Спокойной ночи, Надежда Ивановна.

– Спокойной, Аня. – Начальница вдруг вздохнула. – Не наддай там глупостей.

– Нет. Я никогда не делаю глупостей.

Дом оказался небольшим. На первом этаже расположились кладовка, кухня и две... комнаты – как еще назвать пустые помещения без всякого намека на удобства, Аня не знала. Здесь не оказалось ни кровати, ни другой мебели. Голые стены, скрипучий пол и балочный потолок. Но вот на втором этаже Аню ждал сюрприз: полностью оборудованная ванная комната, которая больше походила на спа-салон. Душевая кабина с прозрачными стенками, огромная серо-голубая ванна с широкими бортами, полочки с огромным количеством пузырьков и коробочек. Аня даже немного растерялась – она не думала увидеть ничего подобного. Но занимал ее другой вопрос: где бабушка жила? Ничего похожего на спальню в доме не обнаружилось. Обе комнаты выглядели запущенными и необитаемыми. Разве что кухня была немного обустроена. На полках стояла простая посуда, окна скрывались за выцветшими занавесками, а покрытые белым кафелем стены казались почти чистыми. В выкрашенном голубой краской шкафу сиротливо доживали свой век пара банок с крупами и сухими травами.

Аня ходила по дому, заглядывая в каждый его уголок. Он выглядел забытым и покинутым. Таким же одиноким, как и она. В бледном утреннем свете в заброшенных комнатах было что-то ранимое. Печальное. Сегодня утром она смогла рассмотреть свисающие с балок медальоны. Кажется, это были амулеты. Восемь круглых дисков с грубоватой гравировкой. Тканевые полоски оказались шелковыми лентами, черными и темно-зелеными. Оставалось только гадать – каково их предназначение. Пол усеивали сухие цветки и листья трав, которые когда-то сушились под потолком.

Теперь же от них остались голые острые стебли. Полная решимости разгадать, где же все-таки жила бабушка, Аня бродила из одной комнаты в другую. Она глупо надеялась, что могла чего-то не заметить. Но в доме больше не нашлось никаких помещений. Оставив бесплодные попытки, Аня вышла во внутренний двор. Он был весь заполнен старыми цветочными горш-

ками. В одних растения давно засохли и погибли. В других – продолжали упорно сражаться за жизнь. Пообещав самой себе, что обязательно приведет здесь все в порядок, Аня вошла в амбулаторный склад – ту самую круглую башенку. Но больше она походила на старинную аптеку или лавку с травами. Высокие шкафы были заставлены многочисленными склянками и пузырьками. В длинных выдвижных ящичках лежали шприцы, бинты и редкие коробки таблеток – в основном, лекарства для детей. Заглянувший в окно солнечный луч разлегся на полу, скользнул по металлической лесенке, на которую Аня сначала даже не обратила внимания. Крепко держась за перила, она начала подниматься вверх. И лестница, и висящие на стене черно-белые снимки моря создавали атмосферу маяка, покинутого своим зрителем. Лестница закончилась. На крошечной площадке Аню ждала закрытая дверь. Достав связку ключей, она начала искать подходящий. Спустя пару минут нужный ключ нашелся. Замок легко поддался, механизм плавно провернулся. Нажав на изящную ручку, Аня отворила дверь.

Это оказалась спальня. Наверное, именно здесь и жила бабушка. Огромная кровать, накрытая дорогим на вид покрывалом. Мягкий ковер. Изящный комод, стул, резной шкаф, телевизор во всю стену. Маленький ночник на столе, заваленном книгами и справочниками. Все покрыто толстым слоем пыли. Аня стояла на пороге, не решаясь войти внутрь. В душе царили странные чувства. Почему-то было страшно. Как будто комната таила в себе какую-то опасность. И больно – казалось, что своим присутствием она может разрушить последние воспоминания о бабушке. Шагнув назад, Аня осторожно закрыла дверь и заперла. Она вообразит, что бабушка жива, что ждет за этой дверью. Аня прижалась лбом к прохладному дереву.

– Вот я и приехала, бабуль... Ты запрещала, а я не послушала... Спасибо за дом. Он чудесный.

Показалось, или по ту сторону двери что-то тихонько зашуршало? Покачав головой, Аня усмехнулась: наверное, начинает сходить с ума. На прощание проведя ладонью по двери, она отвернулась и осторожно спустилась с лестницы.

Оставалась еще амбулатория. За домом она была не видна, потому вчера Аня не смогла ее разглядеть. Сегодня же ее ожидал сюрприз. Амбулатория стояла поодаль от дома. За ней начинался лес, пока еще черный и голый. Высокие стволы и кривые, переплетенные друг с другом ветви, превращались в жутковатую иллюстрацию к старой сказке. И на фоне темных деревьев чем-то невероятным выделялся бледно розовый камень старого здания. Две стройные колонны, обвитые цепким вьюном, поддерживают треугольный фронтон. Тускло блестит закрепленная на стене потемневшая металлическая табличка. На ней – с трудом различимая гравировка.

Аня замерла на месте. Она не ожидала увидеть ничего подобного. Небольшой, но невероятно красивый особняк, в каком могли жить несколько веков назад. Кому взбрело в голову построить дом в глуши, скрытой, кажется, от всего мира? Да, он выглядел обветшалым и заброшенным. Но это не умаляло странной притягательной силы, которую Аня чувствовала кожей. У нее остался еще один ключ. И она знала, к какой двери он подойдет. Осторожно ступая по влажной скользкой земле, Аня приблизилась к двери. Табличка, висящая справа, потемнела. Единственное, что на ней можно было прочитать, это слово «Амбулатория» и «1930» – видимо, год основания. Аня пыталась разобрать другие слова. Но они практически слились с серым налетом. Без очистки не понять. Решив, что это можно оставить на потом, Аня вставила ключ в замочную скважину и вошла. В амбулатории пахло лекарствами, пылью и травами. Здесь было лишь одно помещение – огромный зал, разделенный белой ширмой. С одной стороны стояли металлические кровати с красивыми ажурными изголовьями. Они подходили для спальни, но не для больницы. С другой – ряд шкафов и медицинское оборудование. Аня даже шагнула ближе, чтобы рассмотреть темные мониторы. Такое впечатление, что она оказалась на борту космического корабля. Сенсорные панели, продолговатая капсула с человеческий рост, стол с микроскопами и чем-то, напоминающим центрифугу. Аня устало опусти-

лась на стул. Подобному оборудованию могли позавидовать самые современные больницы. Но здесь, в глуши... Почему-то она всегда представляла бабушку, сидящей в крохотном кабинете и щедро намазывающей зеленкой всех желающих. Блестящие плоские мониторы не вязались с образом деревенской старушки-фельдшера. Слова матери о мафии и бандитах уже не казались глупой выдумкой. Как еще в затерянной деревне, куда даже добраться нормально нельзя, могло оказаться подобное оборудование?! Чем здесь занимались? Незаконной пересадкой органов? Операциями после кровавых разборок?

Аня подавила истеричный смешок. В конце концов, это не ее дело. Амбулатория ей не принадлежит, просто расположена рядом с домом. Вот о нем она и должна волноваться. Нужно подумать о том, где ей спать и что есть. А деревня, раскинувшаяся за три девять земель от цивилизации и ее загадки, не имеют к ней никакого отношения.

По-утреннему холодный солнечный свет пробрался в амбулаторию, скользнул по ширме и устало прилег на одну из кроватей. Аня задумчиво взглянула на аккуратные металлические столбики и полукруглое изголовье.

Ей хотелось иметь что-то свое. Свою кровать, свой шкаф, свое рабочее место. Гораздо проще было пойти в башенку и занять комнату бабушки. Но тогда она собственноручно разрушит иллюзию, что бабушка все еще жива и рядом с ней. А вот если она вытащит одну из кроватей... Амбулатория все равно закрыта, ею явно давно уже никто не пользовался, а Ане спать негде. В конце концов, здесь останется еще пять кроватей.

Аня решительно встала и подошла к той, которая стояла ближе всего к выходу. Взявшись за изножье, она потянула на себя. По полу скрипнули металлические ножки, и кровать сдвинулась с места. Это не так уж и тяжело!

Спустя два часа, взмокшая и уставшая, Аня сидела на грязном полу в своей новой спальне и бездумно рассматривала голую стену. Она обязательно нарисует на ней нечто волшебное, сказочное. Как только руки перестанут дрожать. Все тело ныло после непривычной нагрузки. Зато теперь у нее была кровать! Аня довольно улыбнулась, стараясь не думать о том, сколько еще предстоит сделать. Одна уборка займет несколько недель. Но глупо жаловаться, когда едва не оказалась на улице. Она обустроит свою маленькую крепость, и больше никакие беды не смогут до нее добраться. Аня снова не сдержала улыбку: неприятности не найдут ее в Крельске – это место вообще невозможно отыскать.

Чувство голода заставило Аню выбраться из своей крепости. Со вчерашнего дня она ничего не ела и держалась только на адреналине. Но когда волнение немного схлынуло, поняла, что силы уже на пределе. Немного приведя себя в порядок, Аня собралась, вышла наружу и заперла все двери. Она проверила замки несколько раз – страх, что во время ее отсутствия кто-то явится и займет дом, бился вместе с пульсом. Вернулось дурное предчувствие. Ну в самом деле! Что может произойти?! Столько времени здесь никого не было, а сейчас вдруг неведомый враг решит отобрать ее жилье? Аня изо всех сил гнала от себя глупые мысли, но они настойчиво лезли в голову.

Появилась и другая проблема: она понятия не имела, где раздобыть еду. Хоть поселок и маленький, но ведь должен здесь быть магазин? Как его найти? Нужно было вчера разузнать все у Светы. Аня вышла на дорогу, по которой они вчера ехали. Гладкая и ровная, она убегала вперед, теряясь среди черных стволов. Как далеко придется идти? Решив рискнуть, Аня зашагала вперед. Она надеялась, что не свалится по пути в обморок. Потому что судя по реакции Светы и хамоватого охранника, ее смерти здесь только обрадуются.

Солнце совсем не грело. Из леса к Ане тянулись пушистые еловые лапы. Они казались руками жутковатых чудовищ, которые пытались ухватить ее за одежду и затащить в чащобу. Дорога поднималась в гору, мелькая среди темной зелени. Все вокруг казалось мрачным и

немного унылым. Может, дело было в тени, что отбрасывали высокие пихты и кедры. А может в том, что солнце спряталось за тяжелые серые тучи. Странная, неестественная тишина давила. Аня пыталась не поддаваться страху, но лес был сильнее. Ей вспомнилась прошлая ночь. Она не очень-то верила в приметы, но все равно три раза произнесла заветную фразу прежде чем провалиться в беспокойный сон.

Ей привиделся холодный дождливый Питер. Она сидела в чужой машине, которая с бешеной скоростью неслась по мокрой дороге. Рядом, на водительском сидении, расположился Виктор. Он смеялся над ней, над ее доверчивостью. Над тем, какой она была в постели. Потом он резко затормозил, вышел, схватил ее за руку и грубо вытащил из автомобиля. Аня не удержалась на ногах, и когда Виктор выволок ее, полетела прямо в овраг. Она чувствовала, как к коже липнут мокрые листья, как камни ранят лицо и ладони. Но эта боль была ничем по сравнению с тем, что она испытывала, когда слышала его слова. Издевательских хохот Виктора стоял в ушах. Но Аня пыталась быть сильной. Она старалась встать на ноги, выбраться из оврага. Пальцы тонули в мягкой жиже, под ногти забивалась грязь. Шум дождя и голос Виктора перекрывали ее стоны и всхлипы:

– Мы поспорили! За какой срок я смогу уломать скромницу на секс. Поняла?!

Но неожиданно все смолкло. Ливень закончился. Виктора не было слышно. Лес потонул в тишине. Аня предприняла еще одну попытку: ломая до крови ногти, она цеплялась за торчащие из земли корни, тянулась вверх. Но чем больше усилий она прилагала, тем быстрее соскальзывала вниз. А потом все изменилось... Лес стал другим – в верхушках сосен шумел ветер, надсадно скрипели стволы. Из темноты вынырнула крепкая мужская рука. Длинные пальцы вцепились в Анину ладонь и одним сильным рывком вытащили ее из оврага. Она оглядывалась по сторонам, забыв про боль и унижение, искала того, кто спас ее, кто пришел на помощь тогда, когда уже и не ждала. Но рядом возвышались лишь молчаливые ели-великаны. Ветер путался в волосах, швырял их в глаза, мешая разглядеть то, что действительно было важно. Что-то заставило Аню посмотреть на свои руки. Страх смешался с удивлением. Ее запястья были накрепко связаны темно-зеленой шелковой лентой. Аня изо всех сил старалась выпутаться, дергала в разные стороны руки, тянула зубами свободный конец, но ничего не получалось. Казалось, что ото всех ее усилий, узлы лишь крепче затягиваются. В тот момент, когда путы немного ослабли, чье-то горячее дыхание коснулось шеи, и тихий низкий голос прошептал:

– Не надо...

Аня обернулась. Позади сплошной стеной раскинулся все тот же лес. Но на этот раз она смогла увидеть... Из непроглядной темноты на нее смотрели два ярких желтых глаза.

Конечно, после такого сна Аня не чувствовала себя ни бодрой, ни отдохнувшей. Наверное, сам Крельск подействовал на нее подобным образом. Навалившиеся проблемы и новые впечатления сплелись в причудливые видения. Аня старалась не вспоминать отчаянный страх, преследующий ее во сне, не думать о Викторе и его предательстве. Но тогда на смену приходили воспоминания о невидимом спасителе. Удивительно, но она во всех подробностях помнила, как от темноты отделилась смуглая рука. Помнила темные волоски, начинающиеся от запястья, помнила длинный широкий шрам между указательным и большим пальцами. И темные ленты, связавшие ее ладони... Совсем как те, что свисали с потолка ее новой мастерской. От этих воспоминаний ее бросало в дрожь. Ужас и волнение, странное предчувствие и ожидание. Уж лучше думать о Викторе и тысяче комплексов, которые он в ней породил, чем жалеть, что не смогла разглядеть человека, которого сама же и придумала.

Аня так погрузилась в воспоминания, что не заметила изменений вокруг. Лес поредел, превратившись в парк. Слева опять появилось озеро, которое она видела на въезде в деревню. Только теперь деревянный настил заменили красивые скамейки. Справа возвышались фонарные столбы. Аня остановилась: фонари были похожи на произведения искусства старых масте-

ров. Такие разве что в музее увидишь. Крельск продолжал загадывать загадки и не давать ни одного ответа. Показалось, что среди деревьев мелькнула чья-то тень. Аня ускорила шаг. Хрустнула ветка. Под ногами трещал мелкий гравий, усыпавший дорожку. Аня шла все быстрее, напряженно всматриваясь в промежутки между черными стволами.

Совершенно неожиданно парк закончился, и Аня вышла на площадь. В ее центре росло дерево. Все еще голые ветви торчали во все стороны. Рядом с ним стоял камень в человеческий рост, испещренный мелкими трещинками. Аня шагнула ближе, всматриваясь в витиеватую сеть. Это не трещины, нет... Кто-то выцарапал на нем десятки рисунков. Грубые, примитивные, они обладали странной завораживающей красотой. Аня заставила себя отвести взгляд. Похоже, она стояла посреди разрушенной постройки. Сквозь плиты пробивалась трава. По всему периметру площадки тянулись четырехугольные каменные столбы, на которые кто-то водрузил большие полукруглые чаши. Аня насчитала восемь. Впереди она разглядела очертания нескольких домов. Чтобы до них добраться, ей пришлось пересечь площадь и спуститься по выбитым в земле ступеням. Первое, что бросалось в глаза – магазин с яркой витриной. Не оглядываясь по сторонам, она поспешила к огромному светящемуся окну.

На полочках красовались банки с вареньем, корзина с пучком трав, миска, до краев наполненная темно-синими ягодами. Подул ветер, и заскрипела вывеска, которую Аня не заметила: под желтым полумесяцем аккуратно было выведено «Лавка лесника». Может, кроме выпечки, запах которой разливался во все стороны, там будет что-нибудь еще? Аня вошла внутрь. Тихонько звякнул колокольчик. Из глубины магазина раздалось бодрое: «Уже иду!» Аня вертела головой, разглядывая десятки полок с хлебом, пирожными и всевозможными булочками. Справа в арочном проходе виднелось еще одно помещение. Оно напоминало охотничью избу. В холодильниках, стилизованных под дерево, лежали рыба, мясо, овощи. Высокий стеллаж был заполнен баночками с медом, консервами и бутылками с соками. Кажется, с голода Аня не умрет – здесь можно было купить все.

Наконец появилась и продавщица. Миловидная, совсем еще молодая, она несла противень с кексами. Но как только увидела Аню, замерла на месте. Ее рот удивленно приоткрылся, а на лице появилось выражение ужаса. Так она и стояла, пока колокольчик не звякнул снова. Дверь отлетела в сторону и с громким стуком ударилась о стену. В магазин ворвался ветер и цветочный аромат дорогих духов. Аня обернулась.

На нее еще никогда не смотрели с такой ненавистью. Безупречно красивое смуглое лицо кривилось от презрения. Высокие скулы, пухлые губы, густые черные ресницы – каждая черта лица источала отвращение. Крылья идеально прямого носа втянули воздух и расширились. Незнакомка брезгливо поморщилась. Аня глубоко вдохнула. Неужели, от нее плохо пахнет? После того, как затащила кровать, она приняла душ. Запах пота должен был смыться.

– Это... наш новый человек... – Из-за спины незнакомки выступила Света.

– Я вижу, что человек. – Голос у нее немного хрипел.

Ее волосы были настолько темными, что отливали синевой. Она откинула назад волнистые пряди и пронзила Аню ледяным взглядом.

– Аня – внучка Анфисы Павловны. – Света прижимала ладони к выпирающему животу и неловко переминалась с ноги на ногу. – Она хочет продать дом.

– Вот как? – Темные дуги бровей взлетели вверх.

Аня всегда считала себя спокойной. Спокойствие было единственным, что помогало удержаться на плаву. Ее считали холодной, «замороженной рыбой», как выразился один из друзей Виктора. Просто никто не догадывался, что за напускным спокойствием было гораздо проще похоронить все переживания. Тогда люди не видели ее слабых мест, не могли понять, что способно ее ранить и причинить боль. Другим казалось, что она равнодушна ко всему, минимум эмоций, минимум переживаний. Аня так привыкла изображать отстраненность от всего мира, что постепенно действительно начала утрачивать с ним связь. Она уже не удивля-

лась неприятностям и не ждала нечаянных радостей. Плохое случалось настолько часто, что Аня перестала волноваться по пустякам. Она смирилась с мыслью о том, что ее жизнь – череда неудач и невезений. Не в ее власти было это изменить. Она старалась, пыталась, но выходило так, что бьется о прочную каменную стену. Спокойствие стало ее щитом. Но сейчас, стоя и слушая, как посторонние женщины бесцеремонно ее обсуждают, Аня почувствовала прилив дикой злобы. Ее накрыло с головой. Они делали вид, что она безмолвная невидимка. Аня вздернула подбородок, хоть и была на полголовы ниже брезгливой стервы, которая продолжала сверлить ее презрительным взглядом. Собравшись с духом, Аня уверенно проговорила:

– Я не буду продавать дом.

С лица красотки схлынули все краски:

– Ты должна его продать.

Аня вздернула брови:

– Разве? Он мой. И я могу делать с ним все, что захочу.

– Тебе здесь не рады.

Аня постаралась сохранить равнодушное выражение:

– Можешь пойти и поплакать. Я остаюсь.

За ее спиной раздался странный звук. Аня обернулась: миниатюрная продавщица изо всех сил пыталась сдержать смех. Но под гневным взглядом незнакомки она съежилась и опустила голову вниз.

– Не стоит бросать такие громкие заявления. Может оказаться так, что плакать придется тебе.

Черноволосяя стерва хищно прищурилась и едва не сбив с ног растерянную Свету, вылетела из магазина. Беременная любительница быстрой езды обреченно последовала за ней.

– Ну ты даешь! – Продавщица с восхищением и легкой завистью смотрела на Аню, все еще сжимая в руках противень. – Поставила Юлю на место... Любая выпечка – бесплатно! Это подарок. Кстати, я – Полина.

Аня растерянно кивнула, пытаясь прийти в себя от неожиданной встречи.

– Я – Аня.

– Да, я знаю! Та самая внучка Анфисы Павловны. Света вчера всем про тебя рассказала. Если нужна помощь с обустройством, зови! Анфиса Павловна была мировой теткой. Ой, в смысле... – Она виновато покраснела и снова опустила голову.

Аня улыбнулась:

– Я знаю.

Полина вмиг повеселела:

– Да, мы часто с ней общались. Я в амбулатории почти каждые выходные проводила. – Она вдруг осеклась, как будто сболтнула лишнего и постаралась перевести тему. – Ты, наверное, за продуктами?

Аня кивнула, решая, как выведать у словоохотливой Полины подробности о жизни бабушки. Но судя по недавней встрече, волновать ее должны другие вещи.

– А кто такая эта Юля?

Полина, укладывающая в пакет всевозможные булочки, пирожки и крендельки, с готовностью принялась рассказывать:

– Она главная, пока нет Давида Александровича. Следит, чтобы все было в порядке, чтобы никто не ссорился. Решает проблемы разные. Но дрянь жуткая. Ее здесь не очень любят. Слишком много о себе мнит. Считает себя лучше остальных, потому что самая красивая и богатая. Хотя здесь все богатые... – Полина состроила рожицу и начала складывать продукты, на которые указывала Аня. – А Света везде за ней таскается. Она тоже... – Полина снова замолчала.

Аня решила ее подтолкнуть:

– Тоже..?

Полина покраснела. Выглядела она виноватой и напуганной, будто сказала то, чего не следовало говорить. Но под прямым взглядом Ани сдалась.

– Тоже была новенькой...

Аня прищурилась. Она видела: Полина врет. Не договаривает что-то важное. Настаивать сейчас было бесполезно – понятно, что Полина не признается. Но Аня все равно намеревалась выудить из нее все, что сможет:

– Ей повезло больше, чем мне? – Она постаралась улыбнуться.

Полина тут же попала на крючок:

– Понимаешь, она вышла замуж за одного из наших. В смысле, за... за уроженца Крельска. Не знаю, как они подружились с Юлей, потому что она действительно гадкая. А Света не так уж и плоха. Просто, мне кажется... Она не имеет собственного мнения. Отхватила богача и пытается всем доказать, что она здесь на своем месте.

– А она не на своем?

Полина снова застыла с открытым ртом:

– В Крельске все, как семья. Здесь не любят чужаков.

Полина замолчала и начала упаковывать продукты. Аня же задумалась. «Здесь не любят чужаков». Звучало так, словно они в средневековье. Аня не знала что и думать. Она не нуждалась в любви незнакомых людей, большинство которых даже не видела. Но сейчас чужачкой была именно она. И это могло испортить ей жизнь. Она знала, какими могут быть «соседи» – сполна ощутила на себе в коммуналке Якова Петровича. Люди же, которые жили в Крельске, обладали деньгами и влиянием – это несложно было понять. И вряд ли им составит большого труда выкинуть ее на улицу, будь она хоть десять раз законной наследницей. Нужно спрятать документы на дом. И никуда не высовываться. Что-то подсказывало, что ссора с Юлей так просто не закончится.

– Тебе бы машину... – Полина с сомнением смотрела на два огромных пакета. – Или хотя бы велосипед.

– Ничего. Я справлюсь.

– Ну вот, на первое время должно хватить. – Полина завернула ароматные кексы в бумажный пакет. – Когда Анфиса Павловна умерла, мы все продукты вынесли, чтобы не гнило. Не знали, когда новый врач приедет. В смысле... родственники.

– Я так и поняла.

Аня расплатилась и направилась к выходу, когда голос Полины ее остановил:

– Заходи, если что-то вдруг понадобится! Я всегда буду рада помочь.

– Спасибо!

Аня вышла из магазина. На улице похолодало. Небо заволочло серыми тучами. Совсем не похоже на весну. Ее вновь начали одолевать предчувствия и сомнения. Насчет Полины она не обольщалась. Девчонка в восторге в Аниной стычки с Юлией. Но как только возникнет реальная проблема, Полина не будет на ее стороне. Да и чем сможет помочь болтливая продавщица из «Лавки лесника»?

Юля же была настоящей угрозой. Аня не сомневалась – та сможет усложнить ей жизнь. Если она всем здесь заправляла, то ей не составит труда настроить местных богатеев против нее. А там, где деньги, Аня была бессильна. Никакие документы ее не спасут. Видимо, Юля была женой того самого «начальника колхоза», который по Светиным словам являлся здесь самым главным. А значит в лице его стервы-женушки Аня нажила себе врага.

Мелкие холодные капли упали на нос и щеки. Аня тяжело вздохнула и поудобнее перехватила пакеты. Ей предстоял долгий и тяжелый путь обратно, наедине со своими мыслями и переживаниями. Крельск больше не казался забавной сказочной деревней, полной загадок и

тайн. Теперь он представлялся Ане опасным местом, где все решали деньги. И любому, кто оказывался здесь «чужаком», предстояло столкнуться с уймой проблем.

Мелкий дождик превратился в ливень. Капли с такой силой стучали по крыше, что сотрясаясь весь дом. Но Аня была счастлива. Вопреки всему. Слушая шум дождя и стоны вековых стволов под порывами ветра, она ощущала себя на своем месте. Вернувшись из магазина, уставшая и измотанная, Аня все же решила взяться за уборку. К вечеру она истратила уйму ведер воды, но отскребла от пыли и грязи все полы. В доме пахло сырым деревом, чистотой и сушеными травами. Осталось навести порядок на кухне. Потом она приступит к росписи стен. Ну а дальше, как получится. Металлические амулеты и ленты Аня не хотела убирать. Она и сама не знала, что ее заставило их оставить. Может то, что они появились здесь до нее и как будто были частью дома? Внутри зародилось странное чувство: она должна, обязана их сохранить. Как будто несет ответственность за каждый блестящий кружочек металла и выцветшую ленту.

Аня вспомнила свой сон. Точно такую же ленту, стягивающую ее запястья. Пристальный желтый взгляд из переплетения ветвей. Дрожь страха и болезненного предвкушения прошла по телу. Кто наблюдал за ней? Кто протягивал руку, чтобы вытащить из бездонной ямы? Это всего лишь фантазия. Странные видения после нескольких напряженных месяцев. Но почему сердце начинает биться быстрее, стоит лишь вспомнить тонкие сильные пальцы, вцепившиеся в ее запястье? Почему хочется дотронуться до шрама? Кажется, Аня уже знала, что нарисует на одной из стен своей комнаты.

Ее мысли были прерваны громким стуком в дверь. Кто мог прийти на ночь глядя да еще и в такую грозу? Нетерпеливый стук повторился снова, окончательно развеивая дурман грез, поселившийся в голове. Может, сделать вид, что не слышит? А вдруг это Света или Полина, решившая помочь с новосельем? Дверь уже буквально тряслась под ударами. Аня поспешила спасти замки, жалея, что не заперла калитку. Впрочем, это вряд ли остановило бы тех, кто так сильно хотел войти.

Запахавшись, она отворила дверь и замерла. На пороге стояла промокшая Юлия. Дождь и ветер не смогли испортить ее красоту. Волосы растрепались и влажными прядями облепили лицо. Смуглая кожа, покрытая капельками воды мерцала, словно золото. Аня вдруг явственно ощутила собственную невзрачность – бледная унылая мышь.

– Мы можем войти? – На этот раз голос Юлии был полон раздражения. И, кажется, усталости. – Здесь вообще-то дождь.

Аня отступила в сторону. Она настолько погрузилась в переживания из-за собственной внешности, что не сразу обратила внимание на слова Юли. «Мы». Едва Юля шагнула в дом, за ней последовал тот, кто до этого оставался в тени. Он был очень высоким и невероятно красивым. Влажные темные волосы падают на глаза, скрывая их цвет. Каждая черта лица точная, ровная, идеально выверенная. Нос с едва заметной горбинкой, квадратный подбородок, красивые губы. Он скользнул уставшим взглядом по Ане и улыбнулся так, словно ему было неловко за поздний визит. В едва заметном движении губ сквозило тепло и... понимание. Аня с трудом оторвалась от гипнотического взгляда его глаз. В них было что-то завораживающее. Что-то, что придавало сил и вселяло уверенность. Он заполнил собой все пространство. Таких как он писали на своих картинах древние мастера и пытались вырезать в камне скульпторы. Практически совершенный. Аня поняла, что обязательно должна нарисовать его. Сохранить на бумаге образ спокойствия и уверенности.

Кажется, она слишком пристально смотрела на незнакомца. Нужно заставить себя отвернуться. Ладони аж зудели от желания взять карандаш, кисть, ручку, да что угодно, и рисовать. Сделать хотя бы пару линий. Книгу, на обложке которой будет изображен кто-то подобный, оторвут с руками.

– Сто лет тут не была! Куда идти?

Юлино ворчание вывело из оцепенения. Аня быстро захлопнула дверь. Шум дождя тут же стал тише.

– Разуйся сначала. – Она прошла мимо высоко незнакомца, вдохнув легкий запах его одеколона.

– Разуться? – Юля смерила Аню недовольным взглядом.

– Да. – Перегородила проход на кухню. – Я целый день здесь все отмывала. – Аня понимала, что ворчит, как старая бабка. Но проигрывать Юлии это сражение не собиралась. – Если захватила бахилы, можешь надеть их.

За спиной Юли раздался тихий смешок. Ее спутник улыбался, безропотно снимая обувь. Аня поняла, что хочет услышать его голос – ей было безумно интересно, каким он окажется. Спокойный и уверенным или бархатистым, рокошущим?

– Ха-ха, очень смешно! – Юля скривилась, но все-таки скинула сапоги и послушно проследовала за Аней на кухню.

– Я еще ничего не успела приготовить. – Так и не разобранные до конца продукты лежали на столе. – Так что, если кто-то хочет есть, выбирайте. – Аня устало опустилась на стул.

– Нет, спасибо. – Юля опять скривилась и недовольно поджала губы. – Мы не за этим пришли. Кстати, знакомься, это – Артур.

– Привет. – Артур кивнул Ане и сел рядом.

Голос у него был красивым. Низковатым и тягучим. Усыпляющим.

– Привет. – Аня поймала взгляд его глаз – пронзительно зеленый, как будто ненастоящий. Слишком яркий.

Глаза выбивались из всего его облика спокойствия и уверенности. Аня вздрогнула, когда их колени соприкоснулись, и тут же отодвинулась. В нем было что-то странное. Подавляющее. Под пристальным взглядом хотелось сознаться во всех своих грехах. Она старалась смотреть прямо, но с каждой секундой это становилось все труднее. В конце концов у нее возникло желание заползти в кровать, укутаться в одеяло и заснуть. Внезапно навалившаяся сонливость пугала.

– Насмотрелись друг на друга?

Юлин голос немного привел в себя. Артур моргнул и отвернулся. Аня же ощутила, будто выныривает из-под воды. Кто он вообще такой? Она еще ни разу не встречала людей, которые одним своим присутствием могли настолько притупить все чувства и ощущения.

– Ты, конечно, в курсе, что Анфиса Павловна работала здесь врачом. – Юля заправила за ухо прядь блестящих густых волос. – После ее смерти мы долго не могли найти никого подходящего. Мало кто хочет ехать в деревню...

Даже Аня, которая совершенно не разбиралась в людях, расслышала ложь.

– Артур, к счастью, согласился. Но ему негде жить. Здесь довольно опасные места. Много диких животных, сама понимаешь. Врач должен быть постоянно рядом с амбулаторией. А единственный дом поблизости – твой. Я знаю, что Анфиса Павловна в нем не жила. Поэтому, если ты согласишься его продать, то... Очень всех выручишь.

Аня почувствовала новый прилив раздражения, которое стремительно перерастало в злость. Видимо, Юля решила сменить тактику и надавить на жалость. Но Ане надоело быть бесхребетной, вечно все терпящей дурочкой. У нее не осталось ничего. Собственная мать отказалась от нее, выбросила на улицу. Лишиться еще и дома? Она не знала, чем руководствовалась бабушка, когда завещала квартиру матери, а дом – ей. В городе были перспективы, возможности. Но Анфиса поступила именно так. И Аня не собиралась идти на поводу у кучки богачей, которые почему-то решили, что ей здесь не место. Она зубами вцепится в землю, но по своей воле дом не покинет.

Юля приняла ее молчание за размышления. Воодушевившись паузой, она быстро затараторила:

– У меня есть отличный юрист – он оформит все очень быстро. Тебе даже не нужно никуда ехать. Только документы и номер счета, куда перевести деньги. Мы готовы предложить высокую цену – ты не разочаруешься. – Ее глаза зажглись странным блеском.

Аня же вдруг ощутила давно утраченную уверенность. Она откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди и в упор посмотрела на Юлю:

– Знаешь, за два дня я так привыкла к дому, будто всю жизнь здесь жила. Не думаю, что смогу его продать. – Аня сделала вид, что о чем-то думает. – Нет, точно не смогу. И место здесь хорошее. Спокойное, тихое. То, что мне нужно.

Нежный золотистый загар Юли стремительно серел. Она хищно прищурилась, губы скривились, обнажая ровные белые зубы. Аня заставила себя сидеть неподвижно, хотя сердце едва не выскакивало из груди от страха. Казалось, что Юля готова вцепиться ей в глотку. На ее красивом лице причудливо смешались ярость, ненависть и отвращение.

– Ты заигрываешься, девочка. – Голос Юли понизился до хриплого шепота. – Здесь живут серьезные люди, которые ценят комфорт и спокойствие. А ты их этого лишаешь. Тебе следует кое-что понять. Анфису Павловну держали потому, что она всех устраивала, приносила пользу и не высказывалась без лишней нужды. Ни одна маленькая наглая дрянь не сможет диктовать нам свои условия, будь она хоть трижды наследницей.

– Так, спокойней. – В разговор неожиданно вступил Артур, о присутствии которого Аня забыла.

Все это время он сидел молча и совершенно неподвижно. Аня же, увлеченная схваткой с богатенькой стервой, перестала обращать на него внимание. А ведь именно он был причиной разговора.

– Думаю, мы сможем найти какой-нибудь компромисс. – Его голос звучал ровно и уверенно

Аня вновь ощутила, как ее накрывает толщей воды.

– Нет никакого компромисса! – Юля раздраженно повернулась к Артуру, откинув влажные волосы за спину. – Больше жить негде. В амбулатории только одно помещение. В доме тоже никаких условий. Анфиса Павловна обустроила спальню в пристройке, которую теперь займет ее внучка. – Юля бросила на Аню злобный взгляд.

Артур пожал плечами:

– Я могу снять комнату здесь. Обещаю вести себя тихо-мирно. – Его улыбка была доброжелательной и очень открытой, но отчего-то Ане стало не по себе.

Она лихорадочно соображала, как выпутаться из сложившейся ситуации. Юля просто так не отступит. Ее лицо превратилось в искаженную злостью маску – красивую, но жутко пугающую.

Аня понимала, что против связей и денег ей не выстоять. Но она могла попытаться отсрочить свое поражение в борьбе. Ей всего лишь нужно время.

– В доме никаких условий. – Юля неожиданно довольно улыбнулась и закинула ногу на ногу. – Где ты планируешь снять комнату? В единственной пригодной для жизни уже наверняка устроилась Анечка.

Сейчас Юля напоминала кобру перед смертоносным броском. По блеску ее глаз, по ухмылке, кривящей идеальные губы, Аня поняла: ее вынудят продать дом. Или отберут силой. Она обязана хоть что-то предпринять. Показать Юле свою слабость – все равно что добровольно отступить. Ей нечего противопоставить богатой мегере. Кроме...

Как бы ни тяжело было принять решение, она должна это сделать. В память о бабушке Аня хотела сохранить комнату в пристроенной башенке. Но ради дома готова была ею пожертвовать. Пытаясь казаться наивной дурочкой, Аня беспечно выдала:

– Я буду жить в доме. А бабушкину комнату могу сдавать.

Артур ухмыльнулся и повернулся к Юле:

– Кажется, мне нужно повышение зарплаты. – Его ухмылка стала шире. – Для оплаты жилья.

Юля вскочила на ноги. На ее лице смешались краски ярости и почему-то страха. Кажется, она была готова вцепиться Ане в лицо. Но чего тогда так сильно боялась?

– В доме давно никто не жил... – Ее взгляд метался по небольшой кухоньке. – Здесь... Здесь ничего нет. И...

Аня видела: у нее есть шанс настоять на своем. Юля выглядела растерянной. И потому злилась еще больше, держа себя в руках из последних сил. Аня же давно усвоила: побеждает тот, кому удалось совладать с эмоциями, не дать им возобладать над разумом. Виктор был хорошим учителем. Он преподавал ей замечательный урок, показав, как опасно бывает поддаваться чувствам. Стоит лишь чуть-чуть увлечься, и ты слепнешь, не видишь ничего вокруг. Враги кажутся друзьями, мрази – самыми прекрасными людьми на свете. Ты становишься глупым и незащищенным. Какой бы властью не обладала здесь Юля – сейчас она допустила ошибку. И Аня обязана ею воспользоваться.

– Я буду жить тут. – На секунду она запнулась, взглянув на сидящего рядом мужчину. – Артур может забрать комнату в пристройке.

– По-моему, это отличный выход.

Юля собиралась что-то возразить, но Артур не дал ей и слова вставить. Он посмотрел на Аню:

– Я могу въехать прямо сейчас?

В его глазах сквозило что-то, что настораживало. В красоте лица, почти такой же совершенной как и у Юлии, крылась опасность. То спокойствие, которое он поначалу внушал, начинало перерастать в панику. Аня задумалась, а не совершает ли она ошибку, позволяя ему остаться здесь? Но другого выхода у нее не было. Юля и так на пределе. Кто знает, что она придумает, чтобы выкинуть Аню из дома. Убедив саму себя в том, что поступает правильно, Аня кивнула:

– Да, конечно. Я покажу, куда идти. – И обратившись к молчавшей Юле, добавила. – Мы все решили?

Та отвернулась и вышла из кухни. Аня последовала за ней. Возле комнаты с амулетами Юля остановилась. Она рассматривала ленты и подвески, а потом неожиданно обернулась к Ане:

– Почему ты их не сняла?

Аня пожала плечами:

– Они мне нравятся.

Юля горько усмехнулась:

– Не ты их вешала, не тебе и снимать, да? – В ее глазах плескалось... разочарование? Не дожидаясь ответа, Юля повернулась, смерив Аню презрительным взглядом. – Послушай меня, девочка. Продай дом, пока я предлагаю за него деньги, и уезжай отсюда.

Аня старалась не показать насколько ей страшно. Она поняла, что готова сдать. Может и вправду проще продать и уехать? Спокойной жизни здесь не будет. Юля постарается. От решения, о котором потом могла пожалеть, ее спас Артур.

Он тоже увидел свисающие с балок ленты. Уголок рта дернулся, как будто ему стало очень больно. Но совладав с собой, Артур отвернулся и обулся, бросив короткое:

– Схожу за вещами.

Едва он вышел из дома, Юля нависла над Аней, подавляя своим ростом и горящим взглядом:

– Анфиса Павловна была бы очень разочарована твоей тупостью.

Аня пыталась не показать страха. Через силу она заставила себя растянуть губы в улыбке:
– Я смогу это пережить.

Наверное, Юля не ожидала подобного ответа. Ее ноздри гневно раздулись, а глаза вдруг сверкнули – как у кошки в темноте.

– Это мы еще посмотрим.

Быстро отвернувшись, она обулась и вылетела из дома.

Аня без сил прижалась к стене. Может, бабки в автобусе были правы и в Крельске действительно пропадают женщины? Идиотки, приехавшие за своим наследством.

Юля выскочила из дома, с трудом подавляя желание что-нибудь сломать. Холодный мелкий дождь ни капли не отрезвлял, а лишь еще больше доводил до состояния бешенства. Нет, ну вы посмотрите! Приперлась, куда не звали, да еще и условия ставит.

Юля пнула калитку, едва не сорвав с петель. Может, нужно было еще предложить ей денег? На вид – натуральная нищобродка. Наверняка поняла, что есть возможность хорошенько заработать, и теперь набивает себе цену.

Юля нырнула в машину, хлопнув дверцей. Пальцы вцепились в руль с такой силой, что пластик жалобно застонал. Она никогда не умела контролировать себя. Сразу взрывалась, если что-то шло не так. Сейчас же Юля кипела от гнева и ярости. Рыжая стерва обвела ее вокруг пальца, не моргнув и глазом. Не только оставила дом за собой, но еще и будет получать доход с комнаты. Теперь ее просто так не вытурить из Крельска.

Юля прижалась лбом к рулю и тяжело вздохнула. Она опять не справилась. В который уже раз. За что бы ни бралась – все валится из рук. Она даже боялась представить, что с ней сделает Давид за провал. Она и так переполнила чашу его терпения. Здесь родители не смогут ее защитить. Он не будет смотреть на ее выходы сквозь пальцы. Он, черт возьми, никогда и ничего никому не спускает. Даже ей! Тем более, лезть в это дело он ее не просил. Как раз наоборот. Своим до бешенства спокойным голосом сказал, что сам во всем разберется и все уладит. Его самоуверенность Юлю раздражала. Он вообще ее раздражал.

В окно постучали. Юля оторвала голову от руля – снаружи стоял Артур. Она опустила стекло.

– Договориться не получилось? – Ей показалось, или в его голосе сквозила надежда?

– Нет. Пока нет. Но я все устрою. – Пусть не думает, что она позволит безродной девке жить здесь.

Артур пожал плечами, стараясь выглядеть равнодушным:

– Не думаю, что она опасна для Крельска. Мне она показалась... уставшей.

– Послушай, эта дрянь – не твоя забота. Просто выполняй свою работу. – Юля завела мотор, показывая, что разговор окончен. – Скоро лето, дел будет много.

Артур выглядел не очень довольным. Серьезно? Он что, запал на рыжую сучку?! Чтобы расставить все точки над «і», Юля добавила:

– Тебе сделали огромное одолжение, позволив здесь работать. Не разочаруй меня.

Артур ухмыльнулся и выпрямился:

– Не ты брала меня на работу.

Он развернулся и зашагал к дому, не дав Юле вставить и слова. Мудак!

С Артуром у них наладился своеобразный быт. В башенке не было никаких условий для жизни, поэтому там он только ночевал. Все остальное время Артур проводил либо в амбулатории, либо в Анином доме. Они до смешного были похожи на обычную семью. По воскресеньям Артур ездил в "Лавку" и закупал продукты на неделю, из которых Аня потом готовила

им обоим. Душ оказался один – в доме. Еще одна причина, по которой Артур, фактически, поселился у Ани, уходя лишь на ночь. По вечерам, если не было пациентов, он закапывался в справочники и какие-то книги, Аня же работала с обложками и оформлением. Однажды она набралась смелости и попросила у Артура позволения нарисовать его. Он был удивлен, но согласился.

Сначала им было неловко, но постепенно оба привыкли. Артур читал, Аня его рисовала.

Он разрешил ей брать машину. Пару раз Аня выезжала в Питер, чтобы купить кое-какую одежду и решить вопросы с Надеждой Ивановной. Охранники продолжали делать вид, что не знают её. Каждый раз они проверяли Анины документы, старательно выискивая ошибки и несоответствия. В конце концов, это превратилось в своеобразный ритуал.

Жизнь вдруг начала налаживаться. Но было и то, что выводило Аню из себя, чего она не могла понять, как ни пыталась. Даже спустя месяц и некоторое перемирие с Юлей, она оставалась в Крельске чужачкой. А вот Артура приняли сразу. Едва он появился, как стал чуть ли не членом каждой семьи. Ничего не делая, являясь практически таким же затворником, как и она, он уже был своим. Она не стремилась понравиться незнакомым людям. Не пыталась с ними сдружиться. Но всегда была вежлива. Многие же из них с ней даже не здоровались.

В конце концов Аня решила, что так даже лучше. Она погрузилась в работу. Оформление книги и серии, несколько статей по искусствоведению, роспись комнаты. Дни смешались, как краски на палитре. Будни пропитались запахом извести и растворителя. Соскабливая старую штукатурку со стен, смывая налет с амбулаторной таблички, счищая пыль с амулетов, она понимала, что... счастлива... Счастлива, как не была уже давно. Каждый день, когда ей приходилось сдирать куски старых обоев, ровнять шероховатую стену, покрывать ее шпатлевкой и грунтовать, Аня чувствовала необъяснимую радость. Ей все время хотелось улыбаться. Вместе с тем в душе поселилась странная уверенность. Покрывая сухие белые стены красками, Аня как будто привязывала дом к себе, оставляла в нем частицы себя. Никто не сможет ее отсюда выгнать. Пока в ее спальне будут раскидываться и сплетаться угловатые ветки, дом принадлежит ей. Аня и сама не знала, почему рисует лес, который можно увидеть из окна. Поддавшись странному порыву, она украсила одну из ветвей темно-зеленой лентой. Она убеждала себя, что сделала это в память о первой проведенной здесь ночи. Но в глубине души знала, что причина была в другом. В глупой наивной надежде, что сон был не просто плодом воображения, что и на ее долю отмерено немного счастья. Ей хватило бы совсем чуть-чуть. Наученная матерью и своим горьким опытом, она прекрасно понимала, что любовь – это даже не редкость. Это выдумка. Но она хотела выдумки. И не позволяла себе мечтать о ней. Искала на мужских руках грубый шрам. И ругала себя. Закрывая глаза, представляла, каким он будет. И ненавидела собственную слабость. Пора уже научиться быть сильной. Понять, что никакого незнакомца из сна нет. Что он – лишь плод ее уставшего мозга. Что ей предназначено одиночество. И для нее же будет лучше, если она свыкнется с ним как можно скорее. В лучшем случае ее ждет тоска в пустом доме. В худшем – не будет даже дома.

Иногда она ловила на себе задумчивый взгляд Артура. Стоя на пороге, он, молча, наблюдал за тем, как Аня рисует. Как только она оборачивалась, почувствовав чужое присутствие, его глаза словно загорались зеленым светом. Ане казалось, что она видит северное сияние. Чудесное, волшебное, на которое хочется смотреть вечно. Но было кое-что еще. Каждый раз она будто тонула. Уходила глубоко под воду, захлебываясь солеными волнами. Спасти себя можно было лишь одним способом – отвернуться. И Аня отворачивалась.

Он научился справляться со многим. В одиночку отвечать за сотни людей, которые от него зависят. Принимать решения тогда, когда никто другой не мог или боялся взять на себя ответственность. Но в такие моменты как этот, ему хотелось спалить к чертовой матери всех,

кто привык отсиживаться за его спиной. В последние месяцы все летело к чертям и выходило из-под контроля. С таким трудом выстроенный порядок рушился на глазах.

Внезапная смерть Анфисы Павловны и затянувшиеся поиски врача стали первой проблемой в бесконечной череде. В Крельске старушку обожали, чуть ли не молились на нее. Она работала в деревне еще при отце. Давид давно смирился с тем, что среди них будет жить посторонний. Она не нарушала их законов, вела себя смирно и не доставляла проблем. Такое положение дел Давида вполне устраивало. Когда Анфиса Павловна умерла, он занялся поисками нового врача, но даже не подозревал, во что это выльется. Лично просмотрел десятки кандидатов. Все они вызывали лишь одно желание: поскорее от них избавиться. Так кстати объявившийся в Питере Артур казался лучшим выходом. Они были знакомы давно, еще со времен школы. Но Артур выбрал медицину и уехал учиться за границу. Давид же пошел служить в МЧС. Долгое время они не виделись. Артур успел обзавестись женой. Но ее не одобрили родители. Порвав все связи с семьей, он где-то пропал. Что и как происходило в его жизни, Давид не знал и узнать не стремился. Его мало интересовали те, кто не имел отношения к стае и Крельску. Следуя семейной традиции, он пытался встать на ноги, прежде чем перенять управление делом. Десять лет службы пожарным в МЧС превратили его из спокойного парня в «замкнутого и нелюдимо мудака», как любила выражаться Юлия. Потом отец внезапно слег, и Давиду самостоятельно пришлось разбираться во всех проблемах и неприятностях. Но он справился. Он, черт возьми, всегда со всем справлялся. Бизнес шел в гору и процветал. Стая была одной из самых сильных и влиятельных не только в России, но и в Европе. Он даже начал задумываться об отпуске...

Наверное, зря. Со спокойной жизнью вообще пришлось попрощаться.

Раздавшийся однажды днем звонок снова поставил все вверх ногами. В Крельск приехала внучка Анфисы Павловны. Помимо воли он взглянул на соседнее сидение, где были разбросаны фотографии и несколько белых листов с ровными строчками текста. Новая проблема. Гребаная головная боль. Анна Нейшина.

Давид заставил себя отвернуться и сосредоточиться на дороге. То, что в Крельск может явиться кто-то из родственников Нейшиной, он не учел. Конечно, службе безопасности было известно и о дочери, и о внучке, но приезд последней стал для Давида полной неожиданностью. Он даже предположить не мог, что девица сунется в деревню и предъявит права на наследство. Он не думал, что кто-то вообще способен отыскать это место! Теперь ему предстояло решить, как от нее избавиться.

Он снова взглянул на снимки. Какие-то раздобыла служба безопасности, когда собирала о ней информацию, какие-то сделал Вадим, охранник. Длинные рыжие пряди, карие глаза, бледная кожа. Ничего особенного. Ничего выдающегося. Но Давид нутром чуял, что она принесет ему кучу неприятностей.

Ее скромная биография уложилась в несколько строк. Учеба, работа, неудавшийся роман. Про нее выяснили и это. Давид ухмыльнулся. Ему казалось, что даже в жизни пятнадцатилетнего подростка происходило больше событий, чем в ее. Давид проехал мост и вырлил на пустую трассу. Вадим и Костя регулярно докладывали ему о том, как обстоят дела в деревне. В том числе и об Анне. В последнем отчете сообщалось, что она несколько раз покидала Крельск – выезжала в Питер. На машине Артура. Эта новость породила в груди странную, необъяснимую злость. Наверняка решила раздвинуть ноги и сцапать мужика поприличней.

Давид не слишком сильно вдавался в подробности личной жизни Артура, но знал, что его жена умерла. Долгое время он скитался, переезжая из города в город, а теперь решил осесть на одном месте. Давида мало интересовали чужие страдания. Он лишь дал задание службе безопасности проверить, не вляпался ли за эти годы Артур в какое-нибудь дерьмо. Нет, он оказался чист и почти свят. Помогал всем, кто нуждался, страдая по жене. Но что мешает ему сейчас найти утешение в готовой на все девке? Судя по снимкам, сделанным Вадимом, они едва

ли уже не живут вместе. В салоне стало душно, и Давид опустил стекло. Ароматный майский ветер тут же взъерошил волосы и принялся трепать рубашку. Солнце уже садилось за горизонт, становилось все прохладнее. Птицы с громкими криками метались над деревьями, торопясь вернуться на ночь в свое гнездо. В звуках, в воздухе, в запахе пыли и приближающейся грозы было что-то родное.

Хотя бы раз в месяц Давид старался приезжать в Крельск. Пусть зимой и весной людей там было не так много, как летом, но места, подобные Крельску нужно держать под контролем. Он же был занят навалившимися проблемами, оставив деревню на потом. Теперь приходилось расплачиваться.

Ему нужно было приехать сразу, едва объявилась «наследница». Но он решил, что это может подождать. О чем она могла догадаться? Тупые и самовлюбленные люди не видят ничего вокруг, сосредоточенные лишь на самих себе. Им плевать на все, что их не касается. Равнодушные, жестокие, они переступят через друзей и близких и пойдут дальше. Что могла понять забитая девица, которую собственная мать выставила из дома ради любовника? Давид крепче сжал руль.

Он ненавидел баб. Алчные продажные девки. Лучшие из них сразу называли свою цену. Худшие – делали вид, что неприступны и купить их нельзя. Он же с раннего детства усвоил одну простую истину: купить можно все. Имя, славу, комфорт, людей. Были бы деньги. Но уж на кого точно не стоит их тратить – женщины. Ни одна из них не стоила тех проблем, которые приносила.

Давид вновь взглянул на фотографии из отчета. На одной из них Анна и Артур стояли на мосту у озера. Артур что-то говорил. Анна улыбалась. Быстро же она улеглась под печального доктора. Артур тоже хорош! Еще месяц назад едва ли не рыдал, вспоминая о жене. А сейчас, судя по снимкам, приятно проводит время в компании готовой на все девки. Давид даже ни разу не видел ее, а внутри уже зудит непонятное ощущение. Очередная продажная тварь, которая надеется выжать максимум из сложившейся ситуации. Видимо, быстро поняла, что у Артура слабость к убогим и забитым. Всего-то и стоило поведать ему грустные истории о матери и любовнике.

Давид со злостью вывернул руль, входя в поворот. Он даже не подумал сбавить скорость. Шум ветра в ушах мешал сосредоточиться. Он привык все контролировать. Всегда. Нес ответственность за огромное количество людей. Отпусти ситуацию хоть немного, и все полетит к чертям. Он считал Артура лучшим кандидатом для подобной работы. Но сейчас уже не был уверен в принятом решении. Судя по докладам охраны, Артур и Анна прекрасно ладили. Кто знает, что он мог разболтать своей утешительнице? Показались знакомые ворота. Высоко в небе повис тонкий ободок луны. Бледное сияние колыхалось вокруг ровного круга, и казалось, что по небу разлилось расплавленное серебро. Еще немного, и наступит ночь. Похоже, визит к новоявленной наследнице придется отложить. Сначала Давид планировал первым же делом отправиться к Нейшиной. Он представлял, как силой вытащит ее из дома, выбросит за ворота и лично запрет их за ней. А потом разберется с Артуром. Но уже наступала ночь. А он никогда не принимал необдуманных импульсивных решений. Пойти сейчас – значит показать свою слабость. Нет. Сперва он поедет к себе. Поговорит с Юлей и разберется, какого черта она игнорировала его звонки. А завтра, с утра, нагрянет в гости к художнице – Давид ухмыльнулся – и оценит все ее картины.

Едва он оказался у ворот, появился Вадим. Охранник быстро нажимал на кнопки, пока Давид терпеливо ждал. Как только ворота достаточно открылись, он въехал на территорию деревни.

– Добрый вечер. С приездом. – По давно заведенному порядку, Вадим протягивал в открытое окно тонкую черную папку – отчет обо всем, что произошло в Крельске, пока Давид отсутствовал.

Давид взял папку и бросил на соседнее сидение. Сейчас описание чужих грешков волновало его меньше всего.

– Жду тебя завтра в семь утра.

Лицо Вадима удивленно вытянулось. Давид ухмыльнулся:

– Расскажешь о нашей новой... жительнице. – Давид проговорил последнее слово сквозь зубы.

Вадим прочистил горло:

– В отчетах все есть.

– Мне интересно твое мнение. – Не дожидаясь ответа, Давид нажал на газ.

Он повернул направо, выезжая на скрытую среди деревьев, почти незаметную тропу. Петляя и уходя вверх, эта дорога вела к его дому. Все жилые постройки Крельска сосредоточились в одном месте – за главной площадью. Исключение составляли лишь два дома – Нейшиной и его собственный. Давид ценил тишину и уединение. Толпа вокруг его раздражала. Чем меньше рядом людей, тем лучше. Тропинка уходила все дальше в лес. Ветки скреблись в стекла, под колесами шуршала трава и чавкала сырая земля. Жалея машину, Давид медленно продвигался вперед, рассматривая наступающую чащу. Пушистая хвоя скрывала последние лучи солнца. Казалось, что деревья двигаются – плющ обвил толстые стволы, и теперь его листочки трепыхались на ветру. Огромные каменные валуны покрылись мхом и плесенью и стали похожи на сгорбившихся ведьм. Запах прелых листьев и влажной земли заполнил ноздри. Давид любил лес. Знал его. Настолько хорошо, что чувствовал: все вокруг изменилось. Воздух стал другим. Пах будоражащей кровью опасностью. Деревья, будто вмиг увеличившиеся в размерах, стремились вверх, сцепляясь макушками. словно ограждали заповедные места от всего мира. Давид нахмурился. Чутье вопило, что изменения не к добру. Но внутри все бурлило от предвкушения. Хотелось скинуть одежду, утонуть голыми ступнями в сырой земле, ободрать кожу о шершавые стволы и колючие кустарники. Хотелось быть... Самим собой. Давид потряс головой и раздраженно убрал со лба волосы. Он превращался в своих диких предков, которые были одержимы лишь двумя вещами: охотой и спариванием.

Вернулась позабытая ярость. Он вспомнил и причину своей злости: забитое существо, вторгшееся на его территорию. Из сумрака вынырнули спасительные очертания дома. Давид с облегчением вздохнул и притормозил. Собрав документы и врученную Вадимом папку, он выбрался из машины и поспешил в дом. Внутри было темно, и пахло сырым деревом и пылью. Он никого не пускал в свой дом. Пусть все покроется толстым слоем грязи и обрастет паутиной, но здесь не будет посторонних. Только он. Даже Юле было запрещено приходить без него. Взбежав по ступенькам, Давид вошел в спальню и включил свет. Бросив бумаги на кровать, он первым делом открыл дверь на просторную веранду и вышел наружу. Тут не было стекол, вообще ничего. Только навес, чтобы можно стоять, не боясь дождя, и перила. Вокруг – темная зелень деревьев и ощущение полета над землей. Всего лишь второй этаж – он мог легко спрыгнуть отсюда – но чувство, что паришь, не сравнимо ни с чем. Давид всей грудью вдохнул остывший воздух. Да, он изменился. Пах иначе. Давно он тут не был. Не стоило пренебрегать своими обязанностями. Вернувшись в комнату, он разулся и упал на кровать. Включил ночник, одновременно открывая папку с отчетом Вадима. Жизнь в Крельске шла своим чередом. Никаких особых потрясений и событий. Все повторялось из года в год. Давно заведенный порядок, выученный наизусть. Но на одном из плотных листов он остановился. Станислав, лесник, который практически все время находился в горах, учуял запах чужака. Давид нахмурился. Без приглашения в Крельске не ждали никого. Он пристально следил за тем, чтобы его территория была неприкосновенной, не жалея никаких денег на безопасность. Так какого черта тогда происходит? Кто мог бродить возле деревни? А самое главное, с какой целью? Завтра он разберется с Вадимом и узнает, почему тот не доложил сразу же?

Давид раздраженно перелистнул страницу, едва не вырвав ее из папки. От того что увидел, настроение не улучшилось. Похоже, Вадим чересчур ответственно отнесся к задаче следить за выгнанной из отчего дома сироткой. На каждой из десятка ярких глянцевых фотографий было запечатлено одно лицо – Анны Нейшиной. Давид внимательно разглядывал снимки, как будто старался найти доказательство ее двуличности. Почти везде она выглядела задумчивой. Размышляла, как поступить с домом? Или придумывала слезливые истории для святого доктора? Давид отшвырнул папку на пол и спустил ноги с кровати. Нутро грызло нехорошее предчувствие. Всякий раз, когда должно было случиться что-то ужасное, он буквально чувствовал, как невидимые зубы впиваются в тело и раздирают на куски.

Тяжело вздохнув, Давид отправился в душ. Попытка снять сковавшее тело напряжение не увенчалась успехом. Он стоял под резкими струями теплой воды, упираясь ладонями в стену кабины и едва сдерживался. Здесь, в Крельске, его истинная природа брала верх. Он мог быть самим собой. Сбросить одежду, позволить звериной натуре вырваться наружу. Бежать по лесу, чувствуя не подогретую воду из труб, а холодные дождевые капли, острые ветви, ранившие кожу. Резким движением, Давид выключил воду и вышел из ванной, наспех вытираясь. Папка с бумагами по-прежнему валялась на полу. Несколько снимков выпали наружу, и он взял один наугад. Наверное, Вадим нашел способ подобраться к Нейшиной почти вплотную. Фотография была сделана через окно, на стекле мелькали блики и отражения листвы. Мрачно сверкали на солнце амулеты. Анна сидела на полу, перед ней лежал огромный лист бумаги. Рядом были разбросаны разноцветные тюбики, карандаши, кисти... Собранные в пучок волосы ярко блестели на солнце. Рука с кистью замерла над бумагой. Давид пытался понять, что там нарисовано, но из-за отражений на стекле не мог ничего разглядеть. Он снова посмотрел на Анну. На ее лице застыло странное выражение. Как будто ей было больно... Нахмуренные брови, сосредоточенный взгляд. Искусанные губы. Откуда-то Давид знал, что она именно искусала их. А может, это Артур постарался? То дикое злобное существо, которое Давид пытался подавить и загнать в клетку, издевательски взвыло. Он практически слышал смех. Если звери могли смеяться. Животный кусок его души, казалось, понимал то, что Давид никак не мог осознать. В голове, как пульс, опять настойчиво билось слово: «Проблема». Отбросив фотографию, которая будто обжигала пальцы, Давид в раздражении упал на кровать. Он натянул покрывало на все еще влажное тело, укутался с головой и закрыл глаза. Было слышно, как по углам гуляет сквозняк. Он шевелил длинные тяжелые шторы, и те тихо шуршали по полу.

Сначала Давид просто лежал, прислушиваясь к шорохам и скрипам. Он пытался отвлечься от мыслей о Нейшиной, размышляя, как долго сможет пробыть в Крельске, чем следует заняться в первую очередь и кто будет проводить Охоты. Ветер становился все холоднее, где-то в горах начиналась гроза. Ночные птицы настороженно смолкли. Давид провалился в беспокойный сон...

Все было настолько ярким, настолько ощутимым, что казалось реальностью. Клубы влажного тумана, пронизанные оранжево-желтыми солнечными лучами. Розоватое небо. Рассвет. Не такой, как в Питере. Золотистый, мерцающий, с миллионами крошечных пылинок в воздухе. Они плавно кружились, то сбиваясь в стайки, то разлетаясь в стороны. На траву осела хрустальная роса. Покосившиеся деревянные избы, заборы, скрип калитки. Высокий дом с темными окнами.

Давид вошел, тихо ступая по стертым камням пола. Приоткрытая дверь. Он заглянул в узкую щель. Комната Восьми Лун. Странное предчувствие закралось в грудь, сдавило сердце. Волк жалобно завыл, будто ему причиняли невероятную боль. Что-то не так. Едва не сорвав с петель дверь, Давид ворвался внутрь. Грубые серебряные амулеты опускались с потолка. Ветер, влетающий в распахнутое окно, трепал старые шелковые ленты. По древнему обычаю их вешали в обители Ведающей тайны. Давид замер. Когда-то давно он оставил ленту именно здесь. Он помнил место, где привязывал ее. Среди выцветших полос некогда черного и темно-

зеленого шелка не хватало одной. Более яркой, чем остальные. В открытое окно влетел насмешливый женский голос:

– Хочешь обратно? Попробуй заведи...

Давид ринулся к окну. В зарослях вековых деревьев мелькнула едва заметная фигура. Он видел лишь светлую ткань ее одежды. Но голос слышал отчетливо, будто она стояла рядом:

– Слабый Давид... Даже девушку догнать не можешь...

Она снова рассмеялась и совсем исчезла в лесу. Давид почувствовал, как злость наполняет тело. Он перемахнул через подоконник и бросился за незнакомкой. Она шла, никуда не торопясь, прикасаясь ладонями к шершавым стволам и зеленым кустарникам. Давид же чувствовал пьянящий аромат, бежал за ним. Но никак не мог догнать... Зверь рвался наружу, желая участвовать в охоте. Он бы наверняка настиг свою жертву. Но Давид не собирался отдавать ему власть над добычей. Он хотел сам завершить погоню, быть единственным победителем. Но как ни пытался, она уходила. Ему уже не хватало дыхания, перед глазами темнело. Но больше всего злило то, что он никак не мог разглядеть ее лица. Внезапно потемнело. Приближалась гроза. С неба полетели холодные дождевые капли. Знакомый овраг. Давид едва не сорвался вниз, вовремя затормозив у самого края. Воровки и след простыл. Только в черной луже одиноко трепыхалась зеленая лента. Волчий рык вырвался из горла. Он найдет ее и жестоко накажет, чтобы она тысячи раз пожалела о содеянном. Разрывая плоть вытянулись наружу когти.

Давид вздрогнул и открыл глаза, бессмысленно таращась в потолок. Он потерял контроль над собой, почти обратившись во сне. Позволил зверю вырваться наружу, выпустить когти и вцепиться в простынь, разорвав ее. Тело покрылось испариной. Обычно ему снились блеклые бессвязные сны. Скучные картинки, сменяющие друг дружку. Он просто ждал, когда черно-белые видения закончатся, а потом просыпался отдохнувшим и полным сил.

Но на этот раз все было не так. Давид понял, что до сих пор не может отдышаться. Словно он и в самом деле пробежал сотню километров на пределе своих возможностей. Остаться в постели он больше не мог. Энергия бурлила, требовала выхода. Выбравшись из кровати, он натянул на влажное от пота тело майку и джинсы. Ему просто нужно пройтись. Подумать. Позволить мыслям вырваться из-под контроля. Он вышел на веранду. Солнце еще не встало. Легкий сизый сумрак парил над Крельском. Пахло прелыми листьями, мхом и дождевой водой, скапливающейся в овраге. Давид втянул в легкие прохладный воздух и облокотился о перила. Со стороны гор прилетал холодный ветер со смешавшимися запахами трав, грозы и... Давид нахмурился. Человек. Тонкая нить незнакомого аромата. Странного и влекущего. Он знал, что это женщина. Молодая. Но что-то в ней было неправильно. Давид жадно вдохнул. Едва уловимый мед и смола какого-то дерева. А еще известь и почему-то голубика. Никто и никогда не осмеливался вторгаться на его территорию. Уже давно Давид запретил членам стаи подходить к его дому. Может, это Богдан в очередной раз решил подослать ему свою дочурку, скрыв ее настоящий запах? Хитрая сволочь. Он не терял надежды склонить Давида на свою сторону и объединить их стаи. Ветер усилился, принося с собой новую нить необычных ароматов, на этот раз более плотную, насыщенную. Казалось, что он может протянуть руку и коснуться воска, смолы и легкой терпкой смеси чего-то неизведанного. Даже если это Богдан, то на этот раз он постарался. Давид знал: он никогда прежде не вдыхал подобного. Он втягивал пьянящую непривычную гамму и не мог насытиться. Закрыв глаза, потянул носом воздух. Зверь внутри, наконец, распробовал каждый оттенок и сорвался с привязи. В Питере Давид всегда держал его под контролем, посадив на цепь. Но здесь, в Крельске, цепь порвалась. А может, все дело было в запахе чужака на его территории. Волк выворачивал нутро наизнанку, стремился на охоту. Бежать. Преследовать. Найти источник ароматов. Перепрыгнув через перила, Давид мягко приземлился, утопая босыми ногами во влажной земле. Он не мог сдержать рвущееся из горла рычание. Хотелось выть в предупреждении чужакам, что это его территория, и одновре-

менно парализовать жертву страхом, задержать на месте до того момента, когда он ее настигнет. Принохиваясь, он осторожно шел по следу, стараясь не спугнуть добычу резким звуком или шорохом. Давид уже не мог сказать, кто крадется в утренних сумерках: человек или зверь. Инстинкты обострились. Зрение стало четче, слух лучше. Обоняние усилилось, настолько, что он ощущал мириады запахов. Они сводили с ума, мешали. Давид пытался зацепиться за единственный, самый важный. Но он упорно от него ускользал, то стелясь по земле, то теряясь среди колючих кустарников. Сохранившаяся часть разума твердила бросить эту затею и вернуться обратно, заняться тысячей дел, которые почему-то только он мог решить. Ему следовало запереться в доме, наглухо закрыть все окна и двери, чтобы не впускать свежий воздух. Но вместо этого он упорно шел вперед, поддавшись сумасшествию охоты. Запах стал четче. Давид чувствовал, как плотные нити обматывают его разум, сжимаются вокруг. Словно чья-то рука натягивала их до тех пор, пока они не разрежут его на кровавые ошметки. Давид потряс головой, стараясь избавиться от дикого дурмана в голове. Он сам себя загнал в ловушку и теперь не знал, как из нее выбраться. Да и нужно ли?

Среди деревьев мелькнул яркий огненный всполох. Давид сделал несколько осторожных шагов вперед, все ближе и ближе к своей цели. Когда он понял, кто перед ним, то удивленно замер, недоверчиво всматриваясь в сгорбившуюся на мшистом валуне фигуру. Это точно была Нейшина. Согнувшись в три погибели на огромном камне, она с сумасшедшей одержимостью рисовала что-то на большом листе бумаги. Ее руки с невообразимой скоростью мелькали в воздухе. Давид буквально окаменел, боясь спугнуть ее. В жизни Анна оказалась совсем не такой, как на фотографиях. Они не передавали ни белизны ее кожи, ни красноватых бликов в длинных рыжих локонах. Закрученными кольцами они спускались до поясницы. Если он и собирался вышвырнуть ее из Крельска, то теперь точно знал, как это сделает: намотав на кулак пряди ее невероятных волос, так, чтобы в них запутались пальцы. В груди зародилось довольное рычание, и Давид поторопился его подавить.

Анна вдруг выпрямилась и швырнула что-то в стоящую на земле коробку. Давид пригляделся: мелки... Вот откуда необъяснимая смесь запахов. Он снова перевел взгляд на Нейшину, боясь упустить хоть одно ее движение. Она соскочила с камня, разорвала рисунок и швырнула клочки в овраг. От каждого ее движения в сторону Давида летела волна потрясающих ароматов. Чем, черт возьми, она пахла?! Ничего особенного Давид не чувствовал. Голубика, воск, смола, известка. Но все вместе они смешивались в дикий коктейль, который сбивал с ног. Давид не удержался и жадно потянул носом душистый воздух. Нейшина нагнулась и подняла с земли коробку со своими принадлежностями. Давид хищно вглядывался в округлые изгибы ее тела. Она оказалась совсем маленькой. Наверное и до плеча его не достала бы. Но до безумия женственная. Понуро склонив голову, она побрела прочь, и Давид понял, что волк приготовился следовать за ней. Будто, она надела на него невидимый ошейник и тянет глупое животное за собой. А тот и рад покорно трусить следом, как послушный пес. Давид заставил себя стоять на месте, ощущая, как зверь скребется внутри, разрывая когтями нутро. В ушах стоял несчастный скулеж. Но человек оказался сильнее. Он дождался, пока Анна скроется из виду и унесет с собой, как отлив, волну ароматов. Зачем-то наступая на отпечатки ее следов, Давид дошел до валуна, а затем спрыгнул в овраг. На поверхности черной дождевой лужи одиноко подрагивали клочки бумаги. Они еще не успели сильно намокнуть. Давид быстро выловил каждый и аккуратно отряхнул. Что на них изображено, понять было сложно. Но он обязательно выяснит, что огорчило художницу. Неужели, разучилась рисовать, попав в Крельск? Давид ухмыльнулся и сунул обрывки в карман. Волк опять недовольно заскулил, желая следовать за добычей. Но Давид проигнорировал зверя и, выбравшись из оврага, поспешил домой, сгорая от нетерпения узнать, над чем Анна так старательно трудилась. Он вернулся, когда солнце уже появилось на небе. Лес постепенно просыпался. Со всех сторон раздавались шорохи и тихое копошение. Скрывшись в комнате, Давид достал обрывки рисунка и принялся складывать вместе, как будто

пытался собрать пазл. Он уже начал терять терпение. Десяток фрагментов никак не желал складываться в картину. Он и сам не знал, что ожидал увидеть. Портрет Артура? Давид понял, что эта мысль приводит его в бешенство. Какого черта он вообще тратит драгоценное время на подобные глупости? Он протянул ладонь, чтобы выбросить все в мусорку, но вдруг остановился и всмотрелся. Пазл был собран. Перечеркнутое белыми рваными краями на столе лежало изображение двух сцепленных рук. Мужская ладонь сжималась вокруг женского запястья, словно пыталась удержать от падения. Давид не мог оторваться от рисунка. Яркие грубоватые линии сплетались в колдовской узор. Просто, красиво, завораживающе. И почему-то близко, знакомо. Будто он имел к этому самое прямое отношение. Был причастен. Давид поволочьи потряс головой. С ним происходило что-то странное.

Громкий стук в дверь вырвал из размышлений. Потянув носом воздух, он принялся – Вадим. О встрече с ним Давид успел забыть. Спрятав склеенный рисунок в ящик, он быстро спустился вниз и открыл охраннику. Тот как-то уж слишком неуверенно мялся у порога, сжимая очередную черную папку.

Давид пригласил Вадима внутрь. Они разместились у небольшого журнального столика, где Давид вчера бросил ноутбук и бумаги с работы. Открыв протянутую охранником папку, он внимательно изучил отчеты.

– Почему не сказал сразу, что Стас учуял чужака?

Запах Вадима изменился. Страх. Неуверенность.

Давид задержал дыхание, жалея, что не может снова оказаться в лесу, окруженный ароматами меда, смолы и извести.

– Мы не были уверены.

Давид поднял брови, стараясь сохранить самообладание и не зарычать:

– Вам не нужно быть ни в чем уверенными. Еще ни разу запах чужака не приносил ничего хорошего. Я так понимаю, это не Нейшина и не Артур?

Вадим сглотнул и опустил глаза:

– Нет, они оба были в Крельске. Послезавтра заканчивается смена Стаса. Он вернется и все расскажет.

Давид раскрыл папку, пробегая глазами по новому отчету:

– Послезавтра может быть уже поздно.

После ухода Вадима, Давид тоже начал собираться. Необходимо было разобраться с уймой дел, связанных с Крельском, прежде чем он опять уедет на месяц, а то и два. Если для большинства членов стаи Крельск был местом, где они могли отдохнуть, то для Давида – прежде всего изнурительной работой. На нем лежала ответственность за безопасность вверенных ему людей. Иногда его выводила из себя бесконечная череда проблем. Но внутри, в душе, он понимал, что иначе не может. Он чувствовал себя спокойно только тогда, когда держал все в своих руках, под единоличным контролем. Нравилось быть тем, от чьего решения зависели другие. Нравилось, черт возьми, управлять закрытым ото всех тайным миром, в котором существовала стая. Ему нравилась собственная сила. Власть. Он знал, что ему и только ему принадлежит главенство, как в бизнесе, так и в Крельске. И это знание приносило наслаждение, удовольствие. Все, чего он добился, стоило тех усилий, которые пришлось приложить. Давид не любил вспоминать, как он пришел к тому, что имел. Но и не позволял себе забыть.

В Крельске его всегда начинали одолевать мысли о прошлом. Но сейчас было важным другое: запах чужака и странная художница. Причем Давид не мог понять, что волновало его больше: возможное посягательство на его территорию или пьянящая смесь ароматов незнакомой женщины. Ароматов, от которых можно потерять голову. Внезапно Давид осознал, что совсем не против поддаться искушению. Пара приятных ночей перед тем, как он выставит Анну из деревни. Конечно же, с материальной компенсацией. Размер этой самой компенсации

будет зависеть от того, насколько старательной окажется художница в попытке ему угодить. Давид ухмыльнулся, почувствовав жар во всем теле. Пожалуй, он так и поступит. Прежде чем избавиться от нее, узнает все оттенки невероятного запаха ее тела. Переодевшись, Давид покинул дом и снова сел за руль. До дома Анны было не так далеко, но он планировал заскочить еще в несколько мест. В том числе и в старый Крельск. Увиденное во сне покинутое поселение оборотней, взывало к чему-то древнему, что таилось в крови. Он любил заброшенное уединение давно забытой деревни, считал своим логовом и чувствовал себя там свободным. Среди покосившихся домов и заборов, под прохуdivшимися крышами, он мог быть тем, кем и был в своей сути, кем хотел быть – диким зверем. Не нужно было держать себя в узде, контролировать инстинкты и оглядываться на младших, для которых Давид был примером. Он поедет туда сразу же после того, как познакомится с Нейшиной. Стоило подумать о ней, как вернулось забытое раздражение. Его интересовал один вопрос: какие отношения успели сложиться между ней и Артуром? Давиду не очень верилось, что тот мог легко забыть жену, ради которой поступился всем. Да и Вадим бы обязательно доложил, будь они любовники. Но судя по фотографиям, они стали очень близки. Артуру вполне могло хватить навыков и умений скрыть от посторонних то, что они с Анной спят.

Скромный каменный домик возник неожиданно. Словно вырос из-под земли. Оказываются, их дома совсем близко. Не больше десяти минут езды. Давид затормозил у каменного забора, увитого цепкими стеблями и яркими фиолетовыми колокольчиками. Вокруг буйствовала яркая зелень. Глазам даже стало больно от насыщенных цветов. Давид не помнил, чтобы при Анфисе Павловне да и вообще при ком-либо до нее, видел здесь нечто подобное. Долгие десятилетия и дом, и амбулатория выглядели уныло и мрачно. Многие пытались облагородить и украсить территорию, но земля отвергала постороннее вмешательство. Оставив машину у забора, Давид вышел наружу и полной грудью втянул свежий весенний воздух. Душистый ветер метался из стороны в сторону, обволакивая уже знакомыми ароматами разных смол, меда и извести. Здесь они были насыщеннее и ощущались намного четче, чем в лесу. Терпкий запах голубики дурманил голову. Давид принюхался. Вино... Вино из голубики. Вот почему от каждого вдоха он едва ли не пьянеет. Стараясь не шуметь и ступать очень осторожно, чтобы не выдать свое присутствие, Давид подошел к приоткрытой калитке. Скользя на извилистую тропинку, он прислушался. Из дома долетали голоса и беззаботный смех. К нему примешивался птичий щебет, дополняя идиллию. От совершенства вырисовывавшейся картины сводило зубы. Дверь оказалась широко распахнута, будто приглашая присоединиться к веселью. И Давид воспользовался приглашением. Мягко крадучись, он шагнул в мир радости и солнца. Его окружили миллионы запахов. Тысячи всевозможных оттенков. Блики играли в длинных рыжих волосах, скользя по всей длине, задорно усмехаясь на самых кончиках. Пятна света путешествовали по белой коже. Ему хотелось волком кружить вокруг странной женщины, вилять хвостом и выпрашивать ее улыбку. Дурацкое раздражающее желание. Или хотя бы убрать прядь, упавшую ей прямо на глаза. Но вместо этого Давид прислонился плечом к дверному косяку и спрятал руки в карманы. Он заставил себя отвести взгляд и осмотреться. Анна и Артур сидели на полу в узком проходе между комнатами. Вокруг них были разбросаны толстые кисти, шпатели и листы бумаги. Из ведра с известью торчал валик. Анна что-то сказала, Артур рассмеялся. Он потянулся к ней и щелкнул пальцем по носу. На кончике остался белый отпечаток. Теперь уже хохотала она. Давид даже не слышал, о чем они говорят. Он пожирал глазами каждое ее движение, каждый жест. Ему хотелось точно такого же. Просто сидеть, дурачиться и наслаждаться утекающими сквозь пальцы моментами. Чтобы не было проблем, или забыть о них. Чтобы было легко и понятно хотя бы день. Нет, он так не сможет. Ему нужно держать все под контролем. Знать, что и где происходит. Управлять жизнью, а не позволять ей управлять собой. Он не сможет, как Артур – наплевать на все так, чтобы даже чувства притупились. Артур был занят Анной настолько, что не почувал постороннего запаха,

не услышал шагов и шума мотора. В случае Давида это означало бы смерть и потерю стаи. Причем второе было намного хуже первого. Он не мог себе позволить расслабиться. Да и не хотел. Но странное чувство неприятно тлело в груди. Давид не хотел себе признаваться, но кажется, это была зависть. Зависть к Артуру, к их искреннему с Анной счастью, к возможности просто сидеть и валять дурака. Он хотел себе точно такой же день. Ему и часа было бы достаточно. Больше не надо. Просто расслабиться. Давид неподвижно замер, рассматривая Анну. Сейчас она была другой, не такой, как в лесу. Счастливая, улыбающаяся, она мазнула Артура кисточкой по щеке и снова рассмеялась. От ее резких движений рубашка задралась, обнажая полосу белоснежной кожи и две впадинки на поясице. Давид едва сдержал рычание, подавляя детское эгоистичное желание разрушить их уютный рай. Артуру придется поделиться Анной. В конце концов это он, Давид, дал ему работу и место в Крельске, поэтому имеет полное право забрать Нейшину в свою постель на пару недель, которые здесь пробудет. Как только соберется уезжать, вернет Артуру художницу в целости и сохранности. Он их сам, черт возьми, благословит – пусть развлекаются, сколько угодно, только подальше от Крельска. Уж слишком много в последнее время стало не равных союзов. Скрипя зубами, он согласился на присутствие в деревне Светы. Однако с таким трудом найденным врачом жертвовать не готов. Поэтому, если ему настолько необходима именно Анна, то Давид согласен пойти на уступки. Но сначала он сам насладится ее обществом. Ей скорее всего вообще все равно с кем спать, судя по тому, как быстро она прониклась симпатией к Артуру. Давид считал себя ничем не хуже. Он вожак стаи, в его руках сосредоточены сила, власть и деньги. Последним он даже готов поделиться с Анной, оплатив ее услуги в качестве компании на ночь. Да, так он и поступит. Давид и сам был удивлен внезапным желанием. Да, ему понравился ее аромат и да, она его интриговала. Но чтобы вот так сразу: взглянуть и понять, что хочет ее... Наверное, он действительно слишком много работал и подавлял свои желания. Теперь приходится расплачиваться неожиданно возникшей тягой к совершенно неподходящей женщине.

Определившись с тем, чего хочет, Давид решил обратить на себя внимание. Ему некогда стоять и смотреть, как развлекаются другие. Когда Артур в очередной раз попытался испачкать Анну, Давид громко хмыкнул. Голубки дружно повернулись к нему и застыли. Артур сердито хмурился, как будто Давид разрушил все его планы. Анна же выглядела удивленной. Она стояла на коленях, отставив в сторону обтянутую джинсами попку. Давид отвел взгляд, пытаясь подавить искушение уложить ее на пол и потереться всем телом, прогоняя запах Артура и оставляя свой. В воображении тут же возникла картина того, как Анна громко под ним стонет, бесстыдно раздвигая ноги, умоляя войти в нее. Волк в душе поднял морду, оскалился, готовясь вызвать любого, кто окажется рядом с ней, на бой. Но Давид его усмирил. Он весь подобрался, держа под контролем каждую мышцу. Ему не нужно, чтобы Артур учуял, насколько сильно Нейшина его возбудила.

Затянувшееся молчание било по нервам, но Давид не торопился его прерывать. Подняв бровь, он постарался придать своему лицу насмешливое выражение и впился взглядом в художницу. Ее запах изменился. Добавились нотки горечи – страх – и терпкого винограда. Против воли он вдохнул глубже. Невероятный аромат. Но что он означал, Давид не знал.

Внезапно в него врзалась волна чужой ярости. Давид с трудом удержался на ногах, едва не покачнувшись. Артур, мать его! Фактически бросал ему вызов. Из-за какой-то девки? Давид медленно повернул голову, встречаясь взглядом с новоявленным докторишкой. Артур мог бы быть вожаком, он обладал достаточной силой. Но она ни в какое сравнение не шла с возможностями Давида. Он с детства привык отстаивать себя и свою стаю. Стал одним из самых молодых вожаков и постоянно сражался за это право, когда ему бросали вызов. Пока Артур играл в святого, спасая жизни, Давид их отнимал в кровавых битвах за власть, за тех, кто на него положился и кто доверился. Он ответил на неповиновение, оказанное Артуром. Волк внутри злобно зарычал, впиваясь зубами в шею другого зверя, который призраком маячил перед ним,

яростно завывая. Артур вздрогнул, во взгляде мелькнула ненависть, но он быстро склонил голову сначала к плечу, потом к груди, признавая власть Давида, демонстрируя незащищенную шею. Волк внутри удовлетворенно рыкнул и снова потянулся к Нейшиной, словно за наградой. Она же за все время молчаливого поединка не проронила ни звука, продолжая пронизывать Давида подозрительным и одновременно удивленным взглядом. Сравнивала с Артуром? Или гадала, почему они с врачом пялятся друг на друга с откровенной ненавистью. Давиду не нравилось чувствовать себя объектом ее изучения. Будто он был любопытным экспонатом в музее, не более того. Артур нарушил молчание, недовольно проскрежетав:

– Принято стучаться.

Давид пожал плечами, не вынимая рук из карманов:

– У вас было открыто.

Артур нахмурился. От него исходили волны агрессии, запах изменился, став насыщеннее. Он пытался защитить Анну?

– Это не означает, что любой может сюда войти без приглашения. – Уверенный красивый голос стальными иглами впился в мозг.

Анна поднялась с пола и смотрела на него так, словно он был ее самым большим врагом. Ничего плохого он ей сделать вроде бы не успел. Чем тогда вызвана откровенная агрессия? Оторвавшись от стены, Давид уверенно шагнул вперед, приблизившись к ней:

– Любой – нет, а я могу.

Артур резко подскочил, попытался вклиниться между ним и Анной и одновременно задвинуть ее себе за спину. Его настороженный взгляд метался от Давида к двери. Но Анна и не думала замолкать. Похоже, у нее напрочь отсутствовал инстинкт самосохранения, или же она не почувствовала молчаливого поединка. Но это было невозможно. Давид знал: даже обычные люди ощущают на себе воздействие его животной сущности. Раздраженно отбросив со лба перепачканные в извести волосы, она выступила вперед и упрямо посмотрела на Давида. Из ее взгляда исчезли мягкость и нежность. Видимо они предназначались только доктору.

– Это мой дом. И без моего разрешения никто не смеет входить, даже если здесь распахнуты все двери и окна.

Давид улыбнулся, обнажая чуть более острые чем у обычных людей зубы:

– Все, что находится на этой земле, принадлежит мне. Не нужно думать, что пара бумажек обеспечила вам владение домом, Анна Вячеславовна.

Он не удержался, вытащил руку из кармана и убрал с ее лба длинный рыжий локон. На коже остался белый след извести. Артур едва слышно рыкнул, а взгляд Анны метнулся к его ладони. Давид медленно растирал известь между пальцами.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – Она завороченно следила за его движениями.

– Я знаю все и обо всех, кто здесь живет. – Давид вздернул брови, заметив, что Артур оскалился.

Анна вдруг посмотрела на другую его руку, которую он все еще держал в кармане. Что она ожидает там увидеть? Кольцо? Уже прикидывает, с кем выгоднее «дружить»? Давид не торопился демонстрировать ладонь. Он лениво рассматривал комнаты. С тех пор, когда он был здесь последний раз, они сильно изменились. Похоже, Анна всерьез вознамерилась обосноваться в Крельске.

– Раз все знаете, то вам должно быть известно, что я не люблю тех, кто приходит без приглашения.

Давид даже на секунду утратил дар речи. А у забитой девицы, оказывается, есть зубы и когти! Вот только использует она их не по назначению. В мозгу опять возникла непрошенная картина: Анна, оставляющая на его спине и плечах кровавые борозды, от того, как грубо и жестко он трахал бы ее горячее влажное тело. Кровь моментально быстрее побежала по венам, вскипая и бурля, заставляя кожу покрываться испариной. Но Давид упрямо продолжал сражаться

с идиотским желанием, так не вовремя возникшим почему-то именно к этой женщине. Наверное он все-таки ослабил контроль и позволил запаху похоти вырваться на свободу. Ноздри Артура раздулись, взгляд стал совершенно диким:

– Тебе лучше уйти.

Давид загнал взбесившегося волка в клетку и наглухо захлопнул решетку. Он вернул контроль над собственным запахом и зверем. От усилий по коже пробежали мурашки, и волосы на затылке встали дыбом. Но он справился.

– Здесь командую я. – Его голос звучал сурово и непреклонно.

Нехотя Артур немного склонил голову.

– Эту работу дал тебе я. Этот дом – на моей земле. – Давид переступил через стакан с грязными кисточками и заглянул в крошечную комнатку, стены которой оказались нежно-голубого цвета. От них все еще исходил насыщенный запах штукатурки. – Не хочется портить с тобой отношения из-за... – Давид снова посмотрел на Анну и пожал плечами.

Запах ярости, ненависти и отвращения окутал Давида с головы до ног. Женский запах.

– Пошел вон отсюда! – Анна метнулась к нему, но Артур схватил ее за руку, удерживая возле себя и повторил:

– Ты действительно должен уйти.

– Seriously?

Давид выжидающе смотрел на Артура, стараясь игнорировать волны злости, исходящие от Анны. Волку не нравилось, что она испытывает по отношению к нему подобные эмоции. Ему хотелось совершенно иного. Чтобы не поддаваться странному, возникшему на пустом месте желанию, Давид сосредоточился на Артуре. Тот не мог не понимать, что вожак имеет полное право находиться везде, где пожелает. Любой, кто оспаривал это, должен был вызвать его на бой.

– Ну так что, мне будет позволено остаться в семейном гнездышке двух голубков?

Артур, похоже, сдался. Он даже стал меньше ростом. Волк в душе Давида удовлетворенно рыкнул.

– Аня, познакомься, это Давид.

– Да мне плевать, кто это. Пусть убирается отсюда!

Ее агрессия была ощутимой настолько, что ударила Давида камнями. Он обращался к Артуру, но не смог сдержаться и впился взглядом в Анну:

– Очень жаль, Артур, что ты не объяснил своей маленькой подружке, кто здесь главный, и какие в Крельске порядки.

Анна тяжело дышала. Ее щеки окрасились румянцем, на виске билась венка, а грудь натягивала тонкую рубашку. Идеальная добыча. Давид представил, как бежит за ней по лесу, приюхиваясь к необычным ароматам, впитавшимся в ее кожу, слушая громкое дыхание. Он бы долго развлекался, преследуя ее, сначала настигая, а потом позволяя уйти. Волк радостно фыркнул, потряс мордой и потянулся к Анне, чтобы учуять ее запах. Но Давид в очередной раз подавил зверя. В конце концов это может обернуться проблемой. Но внутренний голос подсказал, что самая серьезная из всех проблем и неприятностей сейчас стоит перед ним и тяжело дышит. Ладно, с этим он тоже разберется. Он со всем и всегда разбирался. Она всего лишь женщина.

– Я приеду завтра. Нужно многое обсудить. – Он заставил себя отвернуться от Анны и пристально посмотрел на Артура, вкладывая в свой взгляд мощь вожака, давая понять, кто хозяин положения. – Надеюсь, прием будет более теплым.

Развернувшись, Давид вышел из дома, избавляясь от душистого дурмана. Помимо воли он прислушивался к тому, что происходило за спиной, но из дома не доносилось ни звука. Он нырнул в спасительное нутро автомобиля. Пахло натуральной кожей и черным орехом. Никаких смол, меда и еще черт знает чего, сводящего с ума его зверя. Уже с трудом сдерживаясь,

Давид сжал руль. Послышался жалобный скрип, но машина выдержала его гнев. Заведя мотор, он сразу же вдавил педаль газа до упора.

Она буквально выставила его из дома! Никакой дрожи страха или попыток ему понравиться. В его присутствии не бывало иначе: он почти всегда ощущал кислотовато-горький дух ужаса и благолепия. Анна же... Ее страх испарился слишком быстро, уступив злости. Она не обнажала шею в бессознательном жесте подчинения, не отводила глаз и была готова броситься на него с кулаками. Если пару минут назад его это забавляло, то сейчас Давид понял, что готов растерзать кого-нибудь. Она не повиновалась, оказала сопротивление.

Он гнал вперед, слыша лишь свист ветра в ушах. Вполне возможно, что Артур уже пообещал ей свою защиту. Воспоминание о том, как они смеялись и пачкали друг друга краской вгрызлось в мозг. Будто молодожены, обустривающие свое новое совместное жилище. Давид вдруг резко ударил по тормозам. Она ведь жила в доме почти месяц. Месяц, за который успела побелить стены и даже что-то на них нарисовать. И чувствовала себя вполне комфортно. Уже много десятилетий дом, обладая собственной волей, отвергал любое присутствие. Как тогда Анне удалось продержаться так долго? Было лишь одно объяснение: она жила с Артуром, в башне-пристройке. Спала с ним. Продажная девка.

Давид снова ударил по газам. Она не должна вызывать в нем никаких эмоций. Она – опасность для стаи. И чем скорее он избавится от нее, тем лучше. Но сначала узнает, что она смогла предложить Артуру, если тот едва ли ни вызов ему бросал.

Впереди замаячил густой темно-зеленый лес. Деревья, как вогнанные в землю палки, торчали во все стороны на крутом склоне. Пушистые кроны рвались вверх, к небу. Не жалея машину, Давид гнал вперед. В нем скопилась тьма энергии, и нужно было выплеснуть ее наружу. Чем скорее, тем лучше. Но дело прежде всего. В дальнем уголке сознания маячила запланированная на сегодня поездка – он не мог ждать два дня, прежде чем в деревню вернется Стас. И вместе с тем угроза чужака отошла на второй план. Чертова девка! Вывела его из себя, даже пальцем не пошевелив. Никто! Никто и никогда не осмеливался ему перечить. Виляя по едва заметной тропе, Давид углублялся все дальше в лес. Мелькали деревья с повязанными вокруг стволов алыми полосками ткани – отголосками прошлогодних Охот. Машина то подпрыгивала на кочках, то проваливалась в ямы осевшей земли. Нужно успокоиться и подумать. Все тщательно взвесить и решить, как лучше для себя и стаи поступить. Жертвовать Артуром он не мог – найти врача да еще и для обратной было сложно. Но и терпеть ежедневные вызовы и неповиновение Давид не собирался. С другой стороны – Анна, чей призрачный аромат, кажется, въелся в кожу. Давид взглянул на белые от известки пальцы. Какого хрена он трогал ее волосы? Теперь ощущение прохладных, едва-едва нагретых солнцем шелковистых нитей, будет его преследовать, как ночной кошмар. Нужно избавиться от нее. Но звериная часть его души была против. Волк засопел, а потом и вовсе начал рычать, заглушая треск веток под колесами автомобиля. Давид потряс головой, на спине выступил холодный пот. С волком они всегда были единым целым. Да, в детстве и юношестве ему нелегко было принять инстинкты животного. Он сопротивлялся желаниям волка, не понимал их, даже стыдился. Но когда наконец признал хищника внутри равноправным себе, стал самым сильным. Расколота на части душа обрела целостность. Конечно, иногда приходилось подавлять не вовремя возникающее стремление охотиться, выть от радости или запугать кого-то рычанием, но это было естественно для любого оборотня.

Сейчас же волк рвал кожу изнутри. Царапал клетку из плоти и крови, выгрызал зубами дорогу наружу. Он хотел вырваться и бежать обратно. Хотел идти по следу голубики, чтобы настигнуть добычу. Хотел повалить ее на влажную землю, оставить свой запах и свой укус. Он представил, как покрасневшая, но уже не от злости, Анна громко кричит его имя и умоляет брать ее сильнее... Он успел свернуть, едва не врезавшись в высокий дуб. Проклятье! Да что ж такое?! Давид выругался и объехал дерево. Он резко затормозил и выскочил наружу,

глубоко и часто дыша, стремясь прогнать любое воспоминание о голубике и рыжих прядях. Ему просто нужно хорошенько оттрахать эту тихоню, а потом выставить из Крельска и забыть. Давид облокотился о машину, закрыл глаза и откинул голову назад. В зарослях копошился еж, туда-сюда сновали занятые своими делами насекомые. Сырость пробиралась под одежду. Волк нетерпеливо переминался с лапы на лапу. Мелкой дробью стучал по коре дятел. Давид знал это место – оно располагалось в двух часах езды от поселения. Два часа... Он утратил чувство времени, забылся. Погряз в ставших опасными мыслями. В мыслях о женщине... Давид зарычал от злости на самого себя. Нужно думать о чем-то другом! О чужаке, который бродит по его территории, о самоуправстве Юли, о Богдане, который всерьез намерен притащиться сюда на все восемь охот. Но только не о нежной коже и блестящих карих глазах.

Немного успокоившись, Давид вернулся в машину. Теперь он вел аккуратнее, контролируя каждое движение. Он заставил себя забыть Анну, сосредоточившись на заботах о безопасности стаи. Еще через час изнурительной борьбы с самим собой. Лишь бы не давать странным мыслям пробраться в голову. Не думать об этой женщине. Не хотеть ее. Не представлять, как все между ними будет. Не хотеть, чтобы она стонала под ним, выкрикивая имя. Не желать, чтобы ее ногти до крови исполосовали его спину, пока из ее памяти не сотрутся другие. Чтобы остался только он. Не думать... Не думать! Она – никто. Просто очередная маленькая проблема, с которой он запросто справится. Если сможет взять себя в руки.

Лес неожиданно кончился. Под высоким чистым небом раскинулись холмы. Яркие-зеленые, как будто бархатистые. Они манили скинуть одежду, обратиться и бежать по бесконечным просторам. У подножия одного из них примостился добротный деревянный дом с треугольной крышей, трубой и маленькой банькой. Дом Стаса. Заимка, как он сам любил его называть. Давид бросил машину у кромки леса и, не торопясь, побрел к крыльцу. Запах Стаса развеялся, из дома не доносилось ни звука. Придется ждать. Снова наедине с собой и своими мыслями. Давид опустил на деревянные ступени, всматриваясь в лесную стену. Он уперся локтями в колени и растопырил пальцы. В памяти всплыл сосредоточенный взгляд Анны. Что она пыталась рассмотреть на его ладонях? Каких-либо украшений он не носил – при обращении все слетало и могло потеряться. Не то, чтобы в городе он часто выпускал волка наружу, но привычка брала свое. Исключение составляли лишь часы. Единственное, к чему он испытывал слабость. Карта звездного неба украшала циферблат, а лунный календарь служил утешением, когда от Питера хотелось лезть на стену. Они выглядели просто, однако были дорогими. Но вряд ли Аня могла оценить их истинную стоимость. Искала кольцо, как он и подумал вначале? Тоже вряд ли. В ее взгляде не было алчности, с какой подобные ей нищие девицы выискивают свободного мужика побогаче. Он специально не вынимал руку из кармана, хотел посмотреть на ее реакцию. Но реакции и не было. Давид поднес к лицу перепачканные в извести пальцы и вдохнул. Неожиданно стало очень важным выяснить, в чем причина каждого ее действия. Опять он думает о ней...

От очередной волны злости и похоти спасли громкие шорохи в лесу и насыщенный запах крови. Давид вскинул голову и принялся. Отлично, Стас не заставил себя долго ждать. Через пару минут он вышел из густых зарослей, одной рукой на ходу застегивая джинсы. Другой держал за лапы две окровавленных кроличьих тушки. Давид терпеливо дождался, пока Стас приблизится. Когда он подошел, Давид обдало волной диких запахов: пота, земли, крови и дичи. Стас хмыкнул, сдвинул на ступени доску и достал из тайника ключ. Давид продолжал хранить молчание, рассматривая покрытые золотистым сиянием холмы. Стас не выдержал первым:

– Ты здесь, потому что опять случилась какая-то жопа.

Давид поднялся на ноги, окинув тоскливым взглядом просторы, залитые солнечным светом:

– Об этом ты мне и расскажешь. Что тут вообще происходит.

Стас снова хмыкнул, отворяя дверь:

– Такое впечатление, мы на совещании, и мне сейчас устроят... головоломку. – Он поднял брови, рассматривая дорогой костюм Давида. – Тебя давно уже все боятся. А когда ты выглядишь так, то я не чую ничего, кроме ужаса.

Давид пожал плечами. Он привык к дорогой, зачастую даже сшитой на заказ, одежде. Для конкурентов и партнеров это было показателем статуса, для всех остальных – предметом зависти. Давиду нравилось знать, что он обладает всем самым лучшим. У Стаса, покрытого грязью и животной кровью, был другой взгляд на жизнь. Потому он и прятался здесь, добровольно отправив себя в изгнание и делая вид, что все прекрасно. Впрочем, Давид не возражал: если Стасу нравилось врать самому себе, то ради бога. Ему вообще все равно – пока Крельск под присмотром, Стас может и дальше играть в одинокого изгоя.

Внутри было прохладно, сумрачно и пахло сухим деревом.

– На ужин кролики. – Стас кивнул на добычу. – Останешься?

Давид на секунду задумался. Почему бы и нет? Наверняка это поможет избавиться от ненужных мыслей о художнице и ее аромате.

– Останусь.

– Тогда помогай.

Он сунул Давиду в руки кроликов, а сам отправился на кухню за всем необходимым.

– Придется испачкать костюм.

Давид ничего не ответил. Он забрал протянутые Стасом ножи и вышел наружу, чтобы освежевать будущий ужин.

Два часа прошли в полном молчании. Стас никогда не был разговорчивым, а Давид боролся с самим собой за контроль над мозгом и телом. Костер громко трещал, выбрасывая в воздух снопы оранжевых искр. Стас медленно поворачивал то один, то другой вертел с аппетитно пахнущими кроликами. Солнце катилось к горизонту.

– Через два дня я собирался в Крельск. – Стас нарушил тишину, всматриваясь в стайку парящих в небе птиц.

– Знаю.

Лесник повернулся к нему:

– Если скажешь, зачем приехал, дело пойдет быстрее.

Давид уже и не знал, по какой причине сорвался сюда. Кто бы ни бродил по их лесу, если это действительно чужак, то прошло слишком много времени. Два дня ничего бы не изменили, хоть он и утверждал Вадиму обратное. Стас снова решил завести разговор:

– Пахнешь, как художница.

Давид резко вскинул голову. А он-то, когда успел узнать аромат Нейшиной? Да еще настолько хорошо, что учуял его на Давиде.

– И откуда же тебе известно, как она пахнет?

Успокоившийся было волк вновь поднял голову и недовольно зарычал, словно оберегая свое. Давид постарался не думать, кого зверь успел посчитать своей собственностью. Стас, заметив смены настроения вожака, принялся беззаботно разделять горячего кролика.

– Она постоянно по лесу таскается. Рисует все время. Неплохо, кстати, получается.

Волк уже приготовился к броску, чтобы защитить то, что принадлежало ему. Давид глубоко вдохнул. Легкие тут же наполнились дымом костра.

– Ты уже и ее... талант успел оценить? – От ревности и злости, звучащих в голосе, захотелось поморщиться.

Стас наконец понял, что с ним что-то не так. В его глазах застыло удивление:

– Иногда удавалось близко подобраться.

Давид прикрыл глаза.

– Что с чужаком? Вадим сказал, ты кого-то учуял?

Кажется, лесник обрадовался смене темы. Голос зазвучал увереннее:

– Да, мужчину. Скорее всего... Пару раз исчезал и появлялся в разных местах. Здесь и у реки. Но запах какой-то странный. Либо он пытался его замаскировать, либо кто-то из наших учился скрываться.

Давид напрягся:

– Почему странный?

Стас нахмурился:

– Как будто несколько ароматов. Знаешь, в духах такое бывает. Но эти были натуральными. Химии я не почувствовал.

– И больше ничего? Может что-то необычное видел?

– Да вроде ничего. – Он замолчал, но вдруг нахмурился. – Правда... Один раз следы нашел. Возле старого Крельска. Размер небольшой. Похожи на женские. Но дождь как раз начинался. Все запахи смыло. – Он развел руками, как будто извинялся за несвоевременно пошедший дождь.

В груди закололо. Волк заметался от дурного предчувствия. Инстинкт вопил, что добром это не кончится. Давид сцепил пальцы в замок:

– Когда это было?

– Неделю назад, вроде бы.

Давид сжал челюсть, чтобы не зарычать. Тот, кто нарушил запрет, либо не знал о нем, либо шел на сознательный риск. Не знать могли только двое: Артур и Анна. А вот остальные... Давиду не верилось, что существовал кто-то, кто не побоялся вызвать его гнев. Каждому, мать их, было известно, что он в курсе всего, что здесь происходит!

– Это могла быть Нейшина? – В его голосе слышался низкий, едва сдерживаемый рык.

– Кто? – Стас недоуменно сдвинул брови, перестав вгрызаться в сочного кролика. – Художница, что ли? Вполне возможно. Но размера ее ноги я не знаю. – Он ухмыльнулся, но при взгляде на Давида мгновенно стал серьезным. – Без понятия. Тебе кажется, что... деревня в опасности?

Давид едва ли не скрипнул зубами:

– Я надеюсь, что не прав.

– Твое чутье редко нас подводило.

Давид поднялся на ноги. Солнце наполовину спряталось за холмами. Немного похолодало.

– Где ты видел следы?

Стас задумался:

– Возле дома старого вожака. Постой, ты собираешься туда поехать?

Давид одернул рукава рубашки. На манжетах темнели бурые пятна крови.

– Но там уже ничего не осталось. – Стас тоже поднялся. – Дождь все смыл. Что ты считаешь обнаружить?

– Что-нибудь.

Стас покачал головой.

– Дурацкая затея. И уже поздно. Когда ты приедешь, будет вечер. Оставайся, переночуешь здесь. А завтра придумаем, как поступить.

Давид подхватил с земли пиджак. Ткань пропахла костром, землей и смятой травой.

– Если заметишь любую странность, все, что угодно, что бывает не так, немедленно звонишь. Лично мне. Мой номер у тебя есть.

Стас скрестил руки на груди:

– Не нравится мне все это. Ты всерьез думаешь, что кто-то... Даже не знаю...

Давид накинул пиджак на плечи и взглядом пригвоздил Стаса к месту, на котором тот стоял.

– Просто позвони, если что-то увидишь.

Стас покорно нагнул голову и обнажил шею:

– Позвоню.

Давид удовлетворенно кивнул:

– Спасибо за ужин.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и пошел к брошенной у леса машине.

Он приехал в старый Крельск, когда солнце уже село, но было еще достаточно светло. Сизый сумрак растекался над старыми домами, превращая их в жутковатые сказочные декорации. Покинутая деревня. Без лишней надобности сюда никто не ходил. Поселение стояло забытым и брошенным. Давид любил иногда бродить среди оставленных жителями домов. Некоторые из них до сих пор хранили глубокие борозды когтей. Никогда не заживающие раны. У самого края леса – высокий каменный дом, осыпающийся, изо всех сил сопротивляющийся разрушению. Он возвышался над остальными хижинами, словно до сих пор пытаясь доказать свое превосходство. Логово вожака. Того, который жил тут еще до рождения деда Давида.

Давиду нравилось здесь бывать. Одно из немногих мест, где можно забыться. Стать тем, кем он был на самом деле – зверем в человеческом облики.

В детстве Давид часто сбегал сюда. Отец требовал от него быть сильным, никогда не щадить тех, кто слабее. Но Давид не желал участвовать в пустых драках. Волк, опьяненный запахом крови, рвался вгрызться в горло соперникам. Человек же считал это мерзким. Подобные ему с легкостью выходили из себя, калечили друг друга и упивались собственной силой. То, что его сородичи считали развлечением, у него вызывало лишь отвращение.

Из-за абсурдных мелочей его сверстники, словно цепные псы, набрасывались друг на друга, калечили, пытались доставить максимум боли. Старшие же это поощряли и искренне считали демонстрацией силы. Уже тогда Давид не понимал, о какой силе идет речь, когда один подросток пытался вырвать глотку другому. Мальчишки смеялись над ним, над его нежеланием драться и участвовать в общих развлечениях. Его постоянно шпыняли, унижали и всячески провоцировали на бой. Давид подозревал, что все это происходило с подачи отца. Зверь рвался наружу, сходя с ума от необходимости изувечить обидчиков, доказать, что он вовсе не слабак. Но человеку, мальчику, была противна животная сторона собственной сущности. Смысл вообще жить, если собирался каждый день проводить в кровавом месиве, постоянно доказывая свое право находиться среди себе подобных?!

Каждый день отец ставил ему в пример жестоких сыновей друзей. Он все ждал, когда Давид проявит себя как зверь, а не как человек.

Давиду же было противно гонять по лесу тех, кто не мог дать отпор и был медлительнее сильных быстрых парней. Отец считал это трусостью. Он называл Давида «немошным щенком» и лишь брезгливо поджимал губы, когда сын приходил домой избитым после очередной стычки. Давид же принципиально терпел побои, не предпринимая никакой попытки ответить или хотя бы дать отпор. Естественно, он всегда был проигравшим. Мать даже не пыталась как-то сгладить острые углы или хотя бы постараться понять. Как и отец она презирала нежелание Давида махать кулаками. «Это противоестественно! – Кричала она. – Мужчина должен быть сильным! А не подставляться под удары других!» В конце концов он не выдержал.

Это случилось летом. После одной из охот, когда подвыпившая компания его сородичей решила развлечься – устроить охоту на трех человеческих девушек. Они специально привезли их в Крельск, втайне от взрослых, и планировали выпустить в лес. Чтобы те убегали, как испуганные кролики, пока стая волков преследует их по пятам, наслаждаясь запахами страха и пота. Давид плохо помнил ту ночь. В его памяти осталось лишь алое марево крови, крики и треск костей, когда он сцепился с зачинщиками. Прежде они всегда оказывались сильнее него. Но не в тот раз. Тогда он позволил зверю, живущему внутри, взять над собой верх. Слилсь с животным, разорвал свою душу пополам, делясь ею с волком, который жаждал лишь одного:

убивать. В ту ночь он впервые познал настоящую мощь. Она жила где-то в глубине его нутра, но теперь вырвалась наружу, требуя крови врагов. Давид справился с теми, кого волк считал врагом. Врагом стаи. Врагом безопасности. Он упивался хрустом костей, слабыми стонами, вонью ужаса. Четверо сильных оборотней с трудом оттащили его от искалеченных, едва дышащих тел. В глазах отца плескалась смесь паники и гордости.

А он думал лишь о том, чем все могло закончиться. Стая жива, пока о ней никто не знает. На протяжении сотен лет таких как он преследовали, пытали и вырезали. Он слышал от деда множество историй о кровавых расправах над волчьими семьями. Так сгинуло и предыдущее поселение. Деду потребовались десятилетия, чтобы собрать тех, кто раньше был стаей. Человек – это угроза. А убийство человека – самая большая глупость, какую только можно совершить. Людей не останавливал ужас перед оборотнями – они выворачивали пойманных наизнанку, чтобы найти спрятанную под кожей волчью шкуру. И если матерые могли хоть как-то спастись, то у молодняка не было ни единого шанса.

С детства Давид усвоил простую истину: люди ничего не должны о них знать.

В тот момент, когда он стоял над изувеченными подростками, вроде бы такими же, как и он сам, Давид ясно понял: он не допустит резни. И если для этого придется калечить глупых идиотов, то он согласен. Лучше отделаться малой кровью. Человек и волк, наконец, пришли к единству. Защищать.

С тех пор никто не смел назвать его слабаком. С ним перестали общаться. От каждого, кто оказывался рядом, разило страхом. Даже среди себе подобных он вызывал ужас. Но разве не этого они желали?! Сильного вожака, который мог постоять за себя, защитить свою стаю. Не сразу, но Давид понял, что так лучше. У него было столь необходимое одиночество, но теперь никто не смотрел на него с презрением.

И когда явился чужак, бросил вызов отцу и победил, Давид понял, что только он сможет отстоять стаю. Ему пришлось взять ответственность на себя. За будущее тех, кто когда-то считал его слабаком. Волки понимали силу, принимали ее, подчинялись ей. И Давид показал свою силу. Он еще никогда не чувствовал подобного слияния с волком. Это было не отдельное существо – это была часть его души, тела, разума. Они хотели одного и того же, действовали, как единое целое. Превращали гнев в мощь, злость – в скорость, отчаянье – в волю. Именно во время той схватки за власть, Давид наконец стал самим собой. После победы над чужаком его начали уважать. На него надеялись. Спрашивали его совета, интересовались его мнением. В конце концов все ему подчинились. Давид ухмыльнулся. Наверное радовались, что появился кто-то готовый взять на себя ответственность – ее просто переложили на его плечи. Но Давид был даже рад. Он управлял всем и всеми. Как кукловод, дергал за ниточки, получая все, что хотел. Но все равно не перестал любить одиночество.

Старый Крельск был особенным местом. Здесь зов древней крови ощущался особенно сильно. Здесь Давид чувствовал мощь – как будто не существовало никаких препятствий и преград, а он мог достичь всего, чего пожелает. Но в этот раз деревня встретила его напряженной тишиной. Прохладный вечерний воздух коснулся волос, кожи, и Давиду показалось, что он захлебывается соком голубики. Запах красок и извести окружил невидимой сетью. Проклятье! Она не могла быть здесь. Она не должна быть здесь! Невидимый сладковатый след ягод тянулся к логову вожака – высокому каменному дому, до сих пор цепляющемуся за жизнь. Давид не мог поверить, что Нейшина добралась и сюда. Она начинала его безумно раздражать. А волк почему-то восхищенно завыл. Зверь рвался бежать по следу, кружить у ног Анны, выпрашивая толику ее внимания. И какого хрена с ним происходит?! Стараясь взять верх над свихнувшимися инстинктами, он пошел к дому. Совсем осыпавшиеся каменные ступени, висящая на одной петле дверь, покачивающийся на ветру допотопный фонарь. Прошлые его диких предков жило именно здесь. Власть суеверий, страх перед неизвестным и сколько-нибудь отличающимся от привычного, древние обряды и ритуалы – старый Крельск был пропитан ими. Любое

вторжение сюда воспринималось Давидом, как попытка осквернить и разрушить то, что было для его народа свято. Но и стае он не позволял ходить сюда – незачем тревожить мертвых и воскрешать память об ужасах, которые здесь творились. Раньше, и он, и его волк приходили в бешенство от одного упоминания о деревне. Но сейчас зверь предал его. Почему-то волку было важно, что Анна оказалась здесь. Волк хотел знать, нравится ли ей это место, чувствует ли она колдовство пропитанной кровью земли, слышит ли зов волчих обрядов. Давид понял, что еще немного, и он сойдет с ума. Его словно разрубили пополам. Одна часть его сущности, человеческая, жаждала выволочь Нейшину за ворота и поскорее забыть о ее существовании. Вторая, звериная, требовала немедленно бежать к ней, узнать ее вкус, запах, отыметь до потери сознания и назвать своей. Подавив готовое сорваться с языка ругательство, Давид поднялся на крыльцо. Если он не возьмет зверя под контроль, то окончательно свихнется. И неизвестно чем все это обернется. Аккуратно отворив сломанную дверь, он скользнул в прохладное нутро дома. По шершавым стенам ползли тени, во все стороны гулял душистый сквозняк. Опять вино из голубики? Здесь-то оно откуда?! Потянув носом воздух, Давид нечаянно впустил в себя аромат женщины. Это было самое невероятное, чем он когда-либо дышал. Вечером все ощущалось иначе – не так, как утром. Свежий холодный ветер нес запах без посторонних и чужеродных примесей – только Анна и больше никого. Давид вдруг понял, что если бы учуял сейчас рядом с ней еще и Артура, то разорвал бы в клочья обоих. Нет, он точно сходит с ума.

Не нарушая тишины, Давид шел по душистому следу. Он даже не удивился, когда понял, где находилась Нейшина – в комнате Восьми Лун. Никто – ни оборотни, ни люди – не могли долго находиться в подобных местах. Но Анна не то, что не чувствовала дискомфорта – она, похоже, собиралась надолго обосноваться в доме Ведающей тайны. Ее бабка не могла просидеть там и часа. Более сильные и выносливые сородичи Давида с трудом выдерживали сутки. Обитель Ведающей тайны обходили стороной. Давиду, как самому сильному волку в стае, удавалось сопротивляться воздействию древней магии чуть дольше остальных. Но даже он не мог долго вынести тягучего дурмана, которым дома мертвых шаманок опутывали своих пленников. Анна же... Анна прожила в доме месяц, если, конечно, не бегала по ночам в кровать Артура. И она зачем-то пришла сюда.

Давид замер в проеме. Подогнув ноги под себя, Анна сидела на старом деревянном стуле. Лопатки выступали наружу и казались сложенными за спиной крыльями. Судя по плавным движениям рук, она рисовала. Но не так, как в лесу, когда он случайно учуял ее. Теперь в ней чувствовалась какая-то мечтательность. Хрупкая, ничем не защищенная нежность. Волк внутри благоговейно замер, а человек вдруг понял, что не сможет ее выгнать. Просто не получится. Может потому что сидя здесь, она была на своем месте. Или из-за того, что ее аромат будоражил в нем неизведанные чувства. А может еще по тысяче разных причин, в которых Давид не желал разбираться. Он просто принял эту истину. Он сможет сделать с Анной сотню разных вещей, но не выгнать.

Словно ощутив его присутствие, она застыла. Напряженная спина окаменела, а в следующую секунду Анна обернулась. Сначала на ее лице отразилось удивление – как будто она не ожидала, что сюда кто-то явится. Но потом, когда она его узнала, глаза наполнились ненавистью. Ее взгляд почему-то опять метнулся к его ладоням. Что, к чертовой матери, она пытается найти на его руках?! Словно подслушав его мысли, Нейшина снова посмотрела на него. На лице читались одновременно разочарование и облегчение. Горло завибрировало от тихого рыка, рвущегося наружу. Они продолжали молча смотреть друг на друга. Краем глаза Давид заметил пыльную бутылку из черного стекла. Конечно... Вино из чертовой голубики. Даже сквозь закупоренную пробку до него долетал запах. На старом исцарапанном комод, который Анна приспособила под стол были разбросаны мелки, карандаши, тюбики с красками и даже палитра. В глубокой глиняной тарелке лежали грязные кисточки.

Она не просто чувствовала себя хорошо в доме Ведающей тайны, она еще и рисовала здесь! Вернулось раздражение. Злость. На всю ситуацию, на проблемы, на Анну и на то, что ему так сильно нравится ее запах. Охренеть можно! Да это даже не ее аромат. Краски, вино и гребаная известь. Может с ним что-то не так? Не желая разбираться в том сумбуре, который сейчас творился в голове, Давид прервал молчание:

– Никто не объяснил, что приходить сюда запрещено?

Анна прищурилась. Ее волосы были собраны в высокий хвост и перекинута через плечо. Давид видел плавный изгиб ее шеи. От того, какие желания возникли, едва он туда посмотрел, захотелось вонзить во что-нибудь когти. Анна сильнее развернулась к нему:

– А что ты тогда тут делаешь? Пришел туда, где нельзя бывать. Как не стыдно...

Она откровенно над ним смеялась. Но больше всего выводило из себя то, что лицо Анны оставалось невозмутимым. Давид шагнул чуть ближе:

– Я не шучу.

Она развернулась к нему, угрожающе прищурилась:

– Я тоже.

Давид едва не расхохотался. Она пыталась выстоять против него. Пыталась... Его взгляд скользнул по тонким рукам. Вокруг хрупкого запястья была повязана темно-зеленая лента, концы которой она сжимала пальцами и ласково потирала, то ли, чтобы унять волнение, то ли просто автоматически. От ярости перед глазами потемнело. Он узнал бы свою ленту даже в темноте! Давид подскочил к Анне, схватил ее за руку и, резко дернув, стащил со стула. Она вскрикнула и, не удержавшись на ногах, врезалась в его грудь. Тело прошибло током. Как будто сквозь него пустили электрический разряд и одновременно облили водой. Давид не смог сдержать дрожь.

– Пусти меня!

Она вырывалась, а Давид сжимал тонкое запястье, чувствуя под пальцами прохладный шелк ленты.

– Это не твое. – Он старался сорвать полоску ткани, но Анна отчаянно дергалась.

Ее тело прижималось к его, доводя до умопомрачения. Волк свихнулся, выл и рычал – хотел тереться об Анну, впиться зубами в изгиб шеи и оставить свою метку. Чтобы каждый самец в стае знал, кому она принадлежит. Аромат винограда и красок заполнил мозг. Перед глазами клубился туман. Пальцы запутались в концах ленты, и он сделал единственное, что было правильно. Ладонью надавил на спину и прижал Анну к себе так крепко, что почувствовал ее нежную грудь. Она тихо вскрикнула, уперлась руками в его плечи. Да... Да, пусть прикасается к нему. Пусть трогает. Пусть даже отталкивает. А он представит, что она обнимает. По собственной воле.

Лента напрочь скрепила их пальцы, завязавшись тугими узлами. Волк хотел оставаться сцепленным с Анной, соединенным с ней любыми путями. А Давид хотел... Он потянулся к ее губам. Алым, как будто измазанным в крови. Вот чего он хотел. Узнать вкус. Сначала ее рта. Потом и ее самой. Он впился в мягкие губы, врываясь языком грубо и быстро. Ее рот был горячим... Совершенным. Влажное дыхание поработило Давида. Он упивался вкусом Анны. Нежностью ее языка, тихим стоном, безуспешным сопротивлением. Все было идеально. Как может быть только во сне.

Аромат ее гнева ударил в ноздри. Анна отчаянно сопротивлялась. Она пыталась его оттолкнуть, под ее пальцами трещала ткань рубашки. А Давид врал себе, что это от страсти, что она тоже одержима желанием. Он толкнул Анну к комоду, за которым она работала. В первый раз он возьмет ее именно так: на ее же собственных рисунках. Резкая боль пронзила висок, и Давид резко отстранился. Что бы ни случилось, он должен защитить ее... Горячая кровь потекла по щеке. Давид покачнулся – перед глазами на секунду мелькнула темнота. Но волчья кровь брала свое. Пока рана затягивалась, он пытался понять, откуда пришла опасность. Но

перед ним стояла лишь Анна. Она тяжело дышала, опутывая его своим ароматом. В ладони, той, которая была недавно скреплена с его, была зажата глиняная плашка с отколотым краем.

Она ударила его... Волк завыл, чувствуя себя преданным. Давид понимал его. Ощущение было такое, словно между лопаток вогнали нож.

Он взял себя в руки, не позволяя мыслям пробраться в заполненный темнотой мозг. Голос прозвучал хрипло и тихо:

– Собирайся, я отвезу тебя домой. Ночью здесь бывает опасно.

Давид сделал шаг назад, на что-то наступив. Под подошвами туфель перекатывались из стороны в сторону грязные кисточки.

Аня чувствовала себя лунатиком. Она вроде бы и проснулась, но все же до сих пор пребывала во сне. В том старом, самом первом увиденном здесь. Она точно так же сидела в машине, мчащейся на невероятной скорости по темной ровной дороге. Только тогда водителем был Виктор, а сейчас – странный и пугающий незнакомец. Давид Озеров. Артур рассказал ей о нем. Аня подавила истерический смешок. Она представляла себе низкорослого пухлого мужичка, трясущегося над молодой красивой женой, вечно потеющего и пытающегося скрыть раннюю лысину. Тот, кто ворвался утром к ней в дом, был наглым мудаком, привыкшим к тому, что весь мир вращается вокруг него. Аня чуть повернула голову, чтобы видеть его профиль. Художница в ней признавала, что он очень красивый мужчина. Крупный прямой нос, упрямый, выступающий вперед подбородок, прямой, четко очерченный рот. Смуглая кожа покрыта колючей щетиной, которая исцарапала ей лицо. Он был полностью сосредоточен на дороге. Брови нахмурены. Ветер треплет темную, чуть длинноватую челку. Никаким «начальником колхоза» он не был. По словам Артура, Давид являлся наследником огромного бизнеса. К тому же ему принадлежало несколько земельных участков в Крельске. Поэтому он вполне мог называть себя хозяином деревни. Самоуверенная грубиянка Юля оказалась его сестрой. В их родстве сомневаться не приходилось. И дело не только во внешнем сходстве. Наглость и чувство превосходства над остальными были, наверное, их семейными чертами. Но в самоуверенности Давид заткнул сестру за пояс. Самодовольная наглая ухмылка, кривившая его губы утром, вызывала в Ане лишь одно желание: со всей силы врезать ему по зубам. Она не помнила, чтобы когда-либо испытывала подобные эмоции. Аня боялась насилия и презирала людей, которые до него опускались. А в результате сама ударила его. Пятна засохшей крови на воротнике когда-то идеально белой рубашки заставляли ее испытывать жгучее чувство стыда. Жар прилил к щекам, и Аня прокляла собственную неспособность скрывать чувства. Она хотела забыть о том, что случилось в заброшенной деревне. Но попытки одержать верх над разумом оказались такими же жалкими, как и она сама. Никто после Виктора не целовал ее – никто даже не предпринимал попыток это сделать. Аня смирилась с мыслью, что непривлекательна для мужчин. Может ее предназначение вовсе не в создании семьи, а в чем-то другом? Она с завистью смотрела на обнимающиеся парочки и делала вид, что ей все равно. Погрузившись в работу, Аня переставала чувствовать себя одинокой и никому не нужной. Но появление Давида разрушило иллюзию, которую она создала. Он целовал ее так, что сердце разрывалось на части. Аня не понимала, зачем он это сделал. Хотел напугать? Или пытался выместить на ней свой гнев? А может, это был своеобразный способ наказания за то, что пришла туда, куда «не следовало»? Аня терялась в догадках. Несмотря на отвращение, которое испытывала к нему, в душе теплилась надежда: он поцеловал, потому что она ему понравилась. И если бы она его не остановила, неизвестно, чем все это кончилось. Все получилось случайно... Она пыталась сопротивляться, пыталась убедить себя, что его прикосновения ей противны. Но от того, как он прижимал ее к себе, как мучил ее губы, между ног становилось влажно. В его поцелуе было все: и страсть, и грубость, и опаляющий жар. Когда язык ритмично врвался в ее рот, Ане казалось, что он

входит в нее горячим членом, заставляя кричать от растягивающей боли и желания большего. Она с готовностью раздвинула колени, ища ладонями опору на комод. И если бы в тот момент ей не попалась плоская, приспособленная под кисточки, скорее всего она позволила бы ему все. Она собрала последние силы и ударила его. Когда он отстранился, сердце перестало стучать. Как будто его вырвали. Аня никогда не ощущала подобной пытки. Во взгляде Давида мелькнуло что-то необъяснимое – как будто своим поступком она предала его, причинила не физическую боль, а более глубокую, душевную.

Аня прижала к груди сумку с собранными в спешке принадлежностями и папку с рисунками, чувствуя, как в животе болезненно пульсирует сдерживаемое возбуждение. Помимо воли она перевела взгляд на его руку, лежащую на рычаге переключения скоростей. Ни на одной из его ладоней не было шрамов. Но Аня упорно изучала длинные пальцы, покрытые короткими волосками. Она не понимала, зачем продолжает смотреть. Он ее унижил. Обидел. Намекнул на связь с Артуром, оскорбил и его. Козел!

– Что ты пытаешься рассмотреть?

Аня вздрогнула от низкого, похожего на рык голоса. Она заглянула в его необычные глаза. Они были светло-карего, почти желтого цвета. Давид медленно и как будто тяжело дышал. Аня пожала плечами и отвернулась к окну, всматриваясь в темную лесную чащу.

– Я задал вопрос.

Аня не удержалась и все-таки повернулась к Давиду. Он смотрел на дорогу. Она вновь пожала плечами:

– И что?

Он дернул головой, впиваясь в нее злобным колючим взглядом. Глаза опасно сверкнули, отражая свет. А может, ей просто показалось... Он остановил машину, резко затормозив. И Аня впервые по-настоящему испугалась: сейчас он выбросит ее прямо в жуткий лес, как было во сне. Давид навис над ней, упираясь одной рукой в дверь автомобиля. Ее окружили жар его тела и невообразимый мужской аромат. Аня не удержалась и вдохнула. Он пах лесом – его свежестью и дикой свободой. Мхом, золой и кровью. Ее взгляд испуганно метнулся: на виске темнела рана, которую она же и нанесла. Давид тяжело вздохнул, рассматривая ее так же пристально, как и она его:

– В Крельске действуют определенные правила.

Несмотря на страх, который он в ней вызывал, Аня нашла в себе силы иронично вставить:

– И кто же их установил? Не ты ли?

Улыбка, появившаяся на его губах, была жуткой и красивой одновременно. Пряди черных волос упали на лоб, скрывая необычные глаза. Ане показалось, что за ней из темноты и переплетения ветвей следит звериный взгляд. После первой ночи в Крельске она загадала, что предназначенным ей человеком будет тот, кто спас ее из оврага. Тот, на руке которого белел шрам. Тот, кто следил за ней из темноты страшным взглядом. Давид казался воплощением мужчины, которого она себе придумала. Внешне. Потому что внутри он был насквозь прогнившим. Конечно, он мог позволить себе быть самовлюбленным и самоуверенным. Конечно, он вправе был ожидать, что за деньги окружающие будут готовы исполнять любые его прихоти. Конечно, он считал себя хозяином всего и вся. Но это не делало его особенным. Он был мерзким, наглым, отвратительным монстром. И на его руках, наверняка никогда не знавших тяжелой работы, не было никаких шрамов.

Артур спасал людей. А Давид? Что важного в жизни делал он? Превращал существование таких, как она – без денег и связей, в ад? И все же ее потянуло к нему. И от этого, Аня испытывала к самой себе отвращение. Только сегодня утром он бесцеремонно вторгся в ее дом. А казалось, что с того момента прошли десятки лет.

Целую вечность он всматривался в ее лицо, а затем наклонился ещё ниже и... Понюхал шею? Аня вздрогнула. В груди зародилось странное тепло. Тяжелой волной оно упало в живот,

заставляя нутро сжиматься в предвкушении. Омерзение. Единственное, что она должна к нему испытывать – омерзение. Но Аня всегда была слишком слабой, неспособной держать удар. Она позволила себе вдохнуть невероятный аромат его парфюма. Его голос, тихий, вкрадчивый и от того, угрожающий, посылал мурашки по ее телу:

– Да, я. – Снова улыбка искривила ровные губы. – Я устанавливаю правила. Я наказываю за их нарушение. Я решаю, кто может здесь находиться, а кого выбросят за ворота.

Аня все же взяла себя в руки. Как бы сильно он ее не привлекал, он был всего лишь богатой сволочью. Той же ошибки, что совершила с Виктором, она не повторит – не позволит красивой оболочке задурить ей мозги.

– Этот дом принадлежит мне. Ни ты, ни твоя сестра не выгоните меня отсюда.

Он снова улыбнулся. На этот раз мягко, почти ласково:

– С чего ты взяла, что я хочу тебя выгнать?

Его ноздри раздувались, как будто он едва сдерживал гнев, но губы изгибались в пугающей улыбке, больше похожей на звериный оскал:

– Где лента?

Аня нахмурилась. Сердце застучало быстрее. Какого черта он прицепился к ленте? В бабушкином доме висел десяток таких же.

– Я могу вынести тебе все ленты из дома. Выбирай любую, если так нравятся. – Аня ухмыльнулась.

Зачем она его провоцирует, если знает, что заведомо слабее. Давид наклонился еще ниже. Теперь его горячее дыхание оведало ее лицо:

– Где та лента? – Он выделил голосом «та», ясно давая понять, о какой именно ленте идет речь.

Аня и сама не знала, чем лента, найденная в старом поселении ее привлекает. Она была достаточно длинной, чтобы походить на ленту из ее сна. Внезапно отрез темного шелка стал для нее слишком важным. Она считала ленту своей.

– Выбросила.

Ей показалось, или Давид тихо зарычал? Кажется, его глаза сверкнули в темноте.

– Не ври мне.

Он ведь не мог на самом деле знать, что она врет? Или мог? Аня в очередной раз пожала плечами.

– Это всего лишь кусок ткани. Чем он так важен?

– Где она?

Аня сжалась на сидении. Он подавлял. Его взгляд обладал странным воздействием. Когда на нее смотрел Артур, Ане казалось, что она тонет. Но когда смотрел Давид, она чувствовала, как в груди расцветает странная дикая потребность угождать ему. Делать все, что ни попросит, лишь бы он был доволен. Прямо сейчас ей хотелось покорно опустить голову, словно она была рабыней у властного господина, и выслушивать его приказания. Она свихнувшаяся дура! Отчаялась найти нормального мужика, создать семью и готова вцепиться в первого встречного.

Изо всех сил сопротивляясь опасной силе его взгляда Аня заставила себя выпрямиться. Грудь коснулась его вытянутой руки, а лицо оказалось слишком близко к его лицу. Но она проигнорировала буйную реакцию тела и вздернула подбородок – пусть катится к чертям со своими необычными глазами и сомнением. Если понадобится, она ударит его еще раз! Покалечит придурка без зазрения совести. Она посмотрела на рану у виска. Странно, но под коркой запекшейся крови не было видно каких-нибудь значительных повреждений.

– Я слышала, что последствиями сильного удара могут быть навязчивые идеи. Ты бы голову проверил, а не о лентах беспокоился.

Он наклонился еще ниже – Аня ощутила мимолетное касание его губ. Настолько быстро, что казалось галлюцинацией. Но оно возбудило ее гораздо сильнее грубого настойчивого поце-

луя. В животе скрутился тугой узел боли и предвкушения. Ноздри Давида раздулись. Раздался тихий щелчок, и его хриплый голос едва слышно пророкотал:

– Приехали...

Аня поняла, что он открыл дверь. Путаясь в собственных ногах, она пыталась выбраться из машины, одной рукой удерживая сумку, а другой цепляясь за ручку. Ноги дрожали. Но она упорно старалась делать вид, что все нормально. Спрыгнув на землю с подножки, Аня полной грудью вдохнула холодный июньский воздух. Хлопнув дверцей, она устремила к дому. Аня заставляла себя не ускорять шаг и идти как ни в чем не бывало. Но тишина за спиной сбивала с толку и нервировала. Почему он не уезжает? Чего ждет? Аня вытащила связку ключей и дрожащей рукой вставила нужный в замочную скважину. Она изо всех сил сдерживалась, чтобы не обернуться. Скрипнула дверь, и Аня нырнула в дом, который казался сейчас единственной защитой от странного мужчины, появившегося на ее пороге утром. И от ее собственных пугающих желаний. Аня прислонилась к двери, боясь даже двинуться. Когда же он уедет? Наконец, снаружи раздалось едва слышное урчание мотора. Аня не удержалась и метнулась к окну. Фары загорелись ярким алым светом. Массивный автомобиль, о стоимости которого Аня даже боялась думать, мягко покотил к выезду из Крельска. Он был похож на жуткого лесного монстра, живущего в темной чаще и питающегося кровью глупых путников. Аня потрясла головой, чувствуя жгучее желание выплеснуть на бумагу разрывающие мозг фантазии. Прямо сейчас! Она метнулась к оставленной на полу сумке. Папка с бумагой и рисунками... Аня точно помнила, что держала ее в руках. Черт! Черт! Черт! Она ведь не могла оставить ее в машине Давида?! Проклятье! Аня пыталась вспомнить, какие именно работы лежали в папке. Вроде бы ничего особенного. Но кое-что она собиралась использовать в оформлении новой книги, а некоторые наработки нужны были для росписи стен. Придется думать, как вернуть папку. Может, попросить Артура? Вроде бы они с Давидом давно знакомы. Аня осмотрелась. Странно. Обычно в это время Артур был либо в башне, либо заходил к ней. Но окно его спальни оставалось темным – Ане хорошо было видно пристройку из кухни. В доме тоже было пусто. Он вообще себя странно вел после визита Давида. За месяц она успела неплохо изучить Артура. Она надеялась, что они даже поладили. Артур излучал уверенность и спокойствие. Обладал отличным чувством юмора, всегда готов был помочь. Истинный врач. Но стоило Давиду уйти, как Артур превратился в незнакомца. Он почти сразу же исчез, скрывшись в амбулатории. Аня думала спросить всегда ли Давид ведет себя подобным образом, но провела весь день в одиночестве, заканчивая покраску стен. Визит «начальника колхоза» выбил Аню из колеи – она безуспешно ломала голову, пытаясь понять, чем вызвано его поведение. В конце концов ей надоело гадать, каким образом она успела провиниться перед незнакомым, по сути, человеком. Аня собралась и отправилась в старую деревеньку. Забытое поселение она обнаружила недавно и совершенно случайно. В Крельске Аня завела привычку: вставать еще до восхода солнца и отправляться в лес. Во время одной из прогулок она заблудилась. Долго плутала, пытаясь найти знакомые места и проклиная собственную самонадеянность, из-за которой не взяла телефон. Уже отчаявшись отыскать тропу, которая вела к дому, Аня обессиленно опустилась на землю и закрыла глаза. А когда открыла, увидела то, что было у нее буквально перед носом. Высокий клен с едва-едва заметными почками тянул голые черные ветви в небо. Что-то в дереве было неправильным, но Аня никак не могла понять что. Как замороженная она смотрела и не могла отвести взгляд. Место, которое она готова была проклясть, вдруг преобразилось. В темных стволах, в прошлогодней догнивающей листве, в холодных камнях – во всем была красота. Древняя первобытная красота. Ветер скользил по щекам, но Аня почему-то не чувствовала холода. От резких порывов ветви клена клонились из стороны в сторону, а среди них все время что-то мельтешило. Как помехи в старом телевизоре. Или в фильме ужасов. Посмеявшись над своими страхами, Аня поднялась с колен и подошла ближе к клену. Запрокинув голову, она пыталась рассмотреть странные «помехи». Это оказались металлические проволоки, согнутые в форме

полумесяцев. Оставшиеся концы были скручены в причудливые спирали – от этого блестящие безделушки казались филигранными произведениями искусства. Подвешенные на грубые плотные нитки, они являлись естественной частью дерева, как ветви, почки и листья. Аня была заморожена. Все, что она встречала в Крельске, было чудным, отчасти даже нелепым. Странные символы, подвески, ленты. Но все же Аня чувствовала необъяснимую связь с деревней. Как будто всю жизнь она стремилась именно сюда. Как будто она должна была быть здесь.

Рассматривая старый клен, Аня уже знала, что обязательно вернется к нему и нарисует. Внезапно раздавшееся воронье карканье заставило ее повернуть голову вправо. Так Аня впервые увидела забытую деревеньку. За черно-коричневой преградой стволов, ветвей и редких голубоватых елей виднелись печные трубы и прогнившие крыши. Она пошла, не раздумывая, не испытывая ни страха, ни сомнений, просто зная, что нужно туда идти. Деревня казалась очень старой. Судя по некоторым избам, ей было лет двести, не меньше. Но один дом выделялся из всех – высокий кирпичный, он стоял поодаль от остальных и манил Аню своим одиночеством. Конечно, она вошла. Ей никогда не забыть, с какой радостью скрипели старые доски, приветствуя каждый шаг. А запах сырого дерева и залетевшей с осени листвы!.. Старый плющ, перебравшийся через разбитые окна в комнаты. Аня даже не удивилась, когда обнаружила в одной свисающие с потолка амулеты и старые ленты. Восемь металлических дисков выглядели гораздо более древними, чем те, которые она нашла в доме бабушки. Грубоватая работа кузнеца, скапливающиеся десятилетиями пыль и грязь придали им совершенно иную красоту и очарование. А несколько выцветших и истончившихся лент казались не просто кусочками ткани. Аня чувствовала: каждый из них хранит свою особенную историю. Но одна лента выделялась. Она была длинной и тонкой, темно-зеленой. И еще не утратила яркости красок. И она точь-в-точь походила на ленту из ее сна.

Аня не знала, что заставило ее именно сегодня снять кусочек шелка. После знакомства с Давидом она чувствовала бурлящий внутри гнев, который требовал выхода. Как только Артур оставил ее наедине со своими мыслями и страхами, Аня, не долго думая, собрала сумку и отправилась в старую деревеньку. Поддавшись порыву, она влезла на стул и с трудом отвязав ленту, сняла ее, чтобы затем обмотать вокруг запястья. Странные чувства, нахлынувшие на нее в тот момент, немного улеглись, но не исчезли совсем. Едва гладкий шелк коснулся кожи, она вдруг ощутила силу. Как будто ей было подвластно все на свете, и не существовало никаких преград. Но самое странное то, что Аня не чувствовала больше того сумасшедшего одиночества, от которого хотелось волком выть. Словно у нее был кто-то близкий и родной, кому можно довериться и кто невидимой защитой стоял за ее спиной. Наверное, это чувство было абсолютно глупым, потому что единственный, кого она обнаружила позади, был злой как черт Давид. Ее накрыло удушающей волной разочарования и обиды. Ну почему, почему она не имеет права даже на мечту?! Почему обязательно должен был явиться самый неподходящий на свете человек, чтобы все разрушить и растоптать? А затем еще и поцеловать ее так, что ей теперь будут сниться его поцелуи и все, чего она себя добровольно лишила. Идиотка! Еще и папку в его машине оставила. Нужно придумать, как ее вернуть. Вряд ли он решит проявить жест доброй воли и отдать ей работы. Скорее всего выбросит, даже не заглянув внутрь. Аня начала перебирать в памяти, какие именно эскизы там лежали. Ох, лучше бы он и не заглядывал.

Затаив от предвкушения дыхание, Давид открыл потрепанную папку с рисунками. Он и сам не знал, как смог так долго терпеть. Как только Анна вышла из его машины, он увидел завалившуюся между сидениями картонную обложку. Он надеялся, что Анна не вспомнит о забытых рисунках. Можно было уехать сразу же, но Давид не мог себя заставить. Не отрываясь, он следил, как она подходит к дому, как открывает дверь и скрывается за каменными сте-

нами. Внутри все горело. Со странным чувством Давид ожидал, что ее встретит Артур. Но в темных прямоугольниках окон никого не увидел. Давид не слышал ни голоса врача, ни его шагов. Только после этого он уехал. Едва не пробив педалью пол, надавил на газ с такой силой, словно от этого зависела его жизнь. Но возвращать опомнившейся художнице ее мазню он не собирался.

И вот теперь, подрагивающими от нетерпения пальцами, едва ли не разрывал на части пухлую папку. Он не разбирался в живописи и не понимал ее. Знакомые ему художники в большинстве своем были либо наркоманами, либо ленивыми бездарями, предпочитая ныть о своей непонятой гениальности вместо того, чтобы идти и пахать. Давид упорно игнорировал все благотворительные выставки очередной бессмысленной мазни, которые обожала мать. Но в Аниных работах было что-то... Заораживающее. С плотных листов шероховатой бумаги на него смотрел огромный волк с яркими, как две полных луны, желтыми глазами. Рядом с ним сидела крошечная фигурка. Все остальное пространство занимали деревья. Давид долго всматривался в темный густой лес прежде чем понял, что на ветви каждого повязана черная или зеленая лента. На следующей картине лежала окровавленная девушка. Ветви высокого дерева, как человеческие руки, тянулись к ней и обвивали безжизненное тело. Еще на одном листе Анна нарисовала чашу с площади Луны. С темного неба опускался снег. А в чаше ярко горел огонь. Давида прошиб озноб. Она ведь не могла знать, что раньше, до смерти последней Ведающей тайны, они действительно зажигали в чашах огонь?! Если только ей никто не рассказал. Но в то, что кто-то из стаи мог нарушить запрет, Давид не верил. В конце концов, Анна достаточно умна, чтобы понять, для чего могли быть использованы чаши. В этом нет ничего необычного. Просто сохранившиеся древности. Давид отложил рисунок и взял следующий. Волк тут же дико зарычал, скаля пасть. Давид не смог сдержать рвущиеся наружу когти. Вот же шлюха! Он был прав с самого начала. В размытых очертаниях безошибочно угадывалась кухня. Расслабившись, на стуле сидел полуобнаженный Артур. Его уставший довольный взгляд буквально кричал, что недавно между ними был секс. Продажная девка с такой тщательностью прорисовала каждый мускул на теле врача, что изображение больше походило на фотографию. Снова рыкнув, Давид разорвал рисунок в мелкие клочья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.